

INSPIRIA

ХИЩНЫЙ ЗВЕРЬ

ВИТО ФРАНКИНИ

INSPIRIA

Вито Франкини
Хищный зверь
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Италия»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66765383
Хищный зверь: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161980-0

Аннотация

Книга основана на реальных задокументированных историях. Автор – капитан итальянской полиции – убрал лишь некоторые детали, чтобы было больше похоже на правду. Настолько реальность страшнее любого вымысла...

Меня зовут Сабина Монделло, я полицейская. И только что арестовала самого важного мужчину в своей жизни, того, который объяснил мне, что любовь – это просто слово из шести букв...

В одном из престижных кварталов Рима происходит то, что полиция поначалу принимает за убийство и самоубийство: муж и жена найдены в своей постели, он с пистолетом в руке. Такое впечатление, что мужчина выстрелил себе в рот и пуля, пройдя насквозь, попала в спящую жену.

Сабине, молодому комиссару римской полиции, все кажется достаточно очевидным – разве что в квартире отсутствуют телефон погибшей и гильза от патрона. Однако в ходе следствия обнаруживается загадочный человек, с которым обе жертвы контактировали в день смерти. Сабина быстро попадает под действие его мощной харизмы, потрясающей притягательности и блестящего ума. Она еще не знает, что вскоре ей придется прибегнуть к его помощи – и самой нарушить закон...

Содержание

1	7
2	40
3	61
4	76
5	99
6	119
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Вито Франкини

Хищный зверь

Vito Franchini
Il Predatore Di Anime

Copyright © 2021 by Giunti Editore S.p.A., Firenze-Milano
www.giunti.it

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2022

* * *

Этот роман – плод авторской фантазии. Все намеки на события и факты, а также на людей, существующих или существовавших, абсолютно случайны.

Посвящается Флавио

Все криминальные события, описанные в этом романе, вдохновлены событиями реальными. Они взяты из разных более или менее известных хроник, из историй, описанных в тысячах досье, которыми завалены итальянские прокуратуры. Заботясь о

деликатности по отношению к личной жизни персонажей, я принял необходимые меры: что-то изменил, кое-какие факты перемешал, поменял имена, места действия, обстоятельства и особенности некоторых историй.

Странное дело: работая над сюжетом, я обнаружил, что мне придется сократить текст, убирая детали, и порядком его «подсушить». Я отдавал себе отчет, что прямой пересказ действительности рискует получиться слишком кровавым и даже неправдоподобным. Несмотря на мои старания, в романе остались очень жестокие эпизоды, переплетающиеся с эпизодами, которые все наверняка сочтут фантастическими. Остались и обстоятельства, которые точно так же покажутся маловероятными. Человеческий разум, часто движимый древнейшими инстинктами, способен сплести такие сложные криминальные сюжеты, каких не встретишь ни в одном романе. И я могу это доказать.

В. Ф.

Меня зовут Сабина Монделло, и я служу в полиции. Сегодня у меня такой день... В общем, такие дни не забываются никогда. Я только что арестовала самого главного в моей жизни человека, того, кто объяснил мне, что любовь – всего лишь слово из шести букв.

1

За девять месяцев до событий

На ночном столике ожил мобильник. Спокойная, умиротворяющая мелодия сигнала постепенно просочилась в самую глубину тяжелого и беспокойного сна, а потом оборвалась. Прошло несколько минут – и мелодия зазвучала снова, на этот раз под аккомпанемент надоедливой вибрации. Последняя ее и разбудила – по крайней мере, частично.

Сабина посмотрела вверх, растерянно ища глазами на потолке пятно красного света от радиобудильника: если загорелось, значит, уже 6:03. Двигаться быстро не получалось: голова была тяжелая, а веки безуспешно пытались разлепиться, залитые сонным клеем.

Она повернулась на двуспальной кровати и протянула руку, чтобы нашарить мобильник и прекратить это мучение. Но телефон выскользнул из ладони, со стуком упал на пол и, движимый вибрацией, уполз под кровать. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы сориентироваться в пространстве и времени; потом сладкая боль внизу живота напомнила о любовном поединке, который закончился несколько часов назад, и Сабина медленно вернулась в обыденный мир, улыбаясь приятному воспоминанию и запаху мужчины, запаху самца, все еще витавшему над ее телом.

Пыхтя, она с усилием вытянулась, чтобы поймать под кро-

вацию телефон. Он замолчал и перестал удирать от нее. От удара, к счастью, ничего не сломалось, однако белая надпись на экране, слишком яркая для сонных глаз, оповещала о пяти непринятых вызовах.

Сабина поняла, что произошло что-то важное, и улыбка исчезла с ее лица. Отпечаток пальца – поистине великое изобретение – избавил ее от непосильного труда вспоминать и набирать пин-код. Она оставила без внимания извещения от кучи соцсетей и в ватсапе и нажала на кнопку вызова. Четыре непринятых вызова с Центрального поста и один – от Роберто. Первый вызов пришел два часа назад.

Страсть в ее жизни всегда побеждала все остальное, и потому, прежде чем соединиться с Центром, Сабина посмотрела, в котором часу звонил любимый. Роберто пытался дозвониться до нее в 3:15, то есть всего через несколько минут после того, как попрощался. Но она была до такой степени обожжена и опьянена, что буквально теряла сознание и звонок не слышала. Может, он хотел сказать ей напоследок какие-то нежные слова... Она снова улыбнулась, потому что Роберто всегда умел поднять ей настроение, даже такой мелочью, как телефонный звонок. Ладно, можно еще отсрочить свидание со служебным долгом и быстро пробежать сообщения... Вдруг там найдется еще что-нибудь хорошее? Сабина пропустила все лишние группы (к счастью, все без звука), эс-эмэску от матери, которая с расстояния шестисот километров умудрялась не ослаблять хватку и желала знать, верну-

лась ее дочь домой или нет, – и наконец нашла, что искала. Роберто: «Спокойной ночи, любимая, спи крепко. Обожаю тебя». Сабина зажмурилась от удовольствия, потом сделала над собой усилие и встала. Приподняв жалюзи, устроилась на стульчаке в крошечном санузле рядом с комнатой, снова вернулась к мобильнику и для начала соединилась напрямую с номером 113. Ее кот по кличке Фабер подошел и начал тереться об ноги, требуя, чтобы его приласкали.

– Полиция, слушаю вас.

– Я доктор¹ Монделло, комиссариат Париоли, здравствуйте. Вы мне звонили?

– Здравствуйтесь, доктор. Да, это я вам звонил. Неоднократно.

– Говорите.

– Скверная история, доктор. Похоже, у нас и убийство, и самоубийство.

При слове «убийство» глаза Сабины расширились, и она окончательно проснулась. Хотя до сих пор и считала свою работу обыкновенной должностью, которую запросто можно было сменить на приличное место в каком-нибудь банке, она все-таки была полицейским, к тому же полицейским опыт-

¹ В полиции Италии существует несколько стилей обращения сотрудников друг к другу, и стиль зависит от ранга собеседника. Близкие друзья называют друг друга по имени, просто сослуживцы – по званию. Уважительное «доктор» (dottore или dottoressa – к женщине) применяется тогда, когда собеседник имеет высшее юридическое образование или ученую степень юридических наук. – *Здесь и далее прим. пер.*

НЫМ.

– Вот черт... Где? На моей земле? Пострадавшие известны?

– Париоли, улица Чивьяни, третий этаж. Это на вашей территории, к тому же в эту ночь мы дежурили. Муж и жена, практически не имевшие никаких нареканий, на первый взгляд обыкновенные люди... Жена несколько лет назад подавала в участок Париоли заявление о том, что муж ее преследует, но живут они по-прежнему вместе, насколько я знаю.

– Гм... Но тогда здесь нужен мобильный отряд полиции?

– Нет, доктор, сожалею. Комиссар хочет, чтобы вы приехали и сами взялись за расследование.

– Ну, это уж слишком. С чего бы?

– И не спрашивайте, доктор. Так ему захотелось, а больше я ничего не знаю.

– Может, потому, что август на дворе... так сказать... комиссару известно...

– Он сказал, что вас быстро доставят на место, не беспокойтесь. Ждите указаний.

Сабина подавила вздох облегчения. Комиссар Франджипане был крепкий орешек, ко всему готовый и всегда бодрый. Он умел при случае быть снисходительным, но не выносил опозданий и промахов у подчиненных, в особенности у должностных лиц. В карьере он крепко утвердился, и лучше было его не злить.

– Я не слышала телефон – по глупости отключила звук. Если вы пришлете за мной машину, я сразу прилечу.

– Патрульная машина уже ждет вас у подъезда.

– Вот это эффективность! Спасибо. А кто сейчас на месте происшествия?

– Инспектор Джимонди, всегда доступный для своих, и мобильная бригада номер семьдесят два. Они первые примчалась на звонок соседей, которые услышали шум и собачий лай. Я уже отправил туда еще одну бригаду, потому что город скоро начнет просыпаться и наверняка набегут зеваки.

Еще один вздох облегчения. Джимонди был настоящий мастино: специалист надежный, опытный и серьезный; нужно по ходу дела расспросить его обо всех деталях. Если все пойдет так, как она надеется, то дело можно будет закрыть еще сегодня утром, а потом поспать после обеда.

– Хорошо, еще несколько минут, и я спущусь. А научная бригада?

– Для ночных выездов никого нет, ведь сейчас август, и город пустой. Мы собрали, кого могли, в распоряжение командира летучей бригады. Как только закончит обычный объезд территории, придет Рельеви. Естественно, я уже предупредил охранника.

Сабина хмыкнула. Это дело внесет некоторое легкое замедление в ее планы, но ради убийства-самоубийства она была согласна. Там неподалеку есть прекрасная сицилийская кондитерская, и можно будет подождать их там, а Джимон-

ди закажет ей капучино и слоеную трубочку с начинкой, ибо он, ко всем его добродетелям, еще и джентльмен.

– Отлично. Как ваше имя?

– Старший инспектор Гарбин, доктор.

– Спасибо, Гарбин, вы мне очень помогли.

– Не за что, доктор, это мой служебный долг.

– Да, вот еще что...

– Слушаю вас.

– Кто начальник дежурной смены?

– Заместитель прокурора Роберто Плачидо, доктор.

– Ах да, я его знаю. Его предупредили?

– Нет, конечно. Вы сами ему доложите, когда выясните все детали.

– Отлично. Спасибо.

Сабина снова улыбнулась. Потом быстро почистила зубы, умылась и оделась в то, что еще с вечера оставалось брошенным на стул. Тонкий штрих карандаша и туши, легкий мазок фиолетовой помады – и минут через пять, может, чуть больше, она уже садилась в «Фиат Пунто» комиссариата, который поджидал ее на улице.

По дороге с ней связался Джимонди, как всегда, точный и пунктуальный. Впереди замаячили огни мобильного отряда, «Скорой помощи» и медицинской службы. Зевак, к счастью, было пока немного.

Выходя из машины, Сабина с трудом сдержала очередную улыбку, которая явно была бы ни к селу ни к городу. Теперь у

нее имелась прекрасная возможность позвонить своему Роберто и заставить его спрыгнуть с кровати. Она дождалась не могла этого момента. Конечно, его хватит инфаркт, но жена уж точно ничего заподозрить не должна. Работа есть работа.

Инспектор Джимонди поджидал свою руководительницу у входа в дом. Сабина была в полном расцвете молодости, тоненькая, подвижная, зеленоглазая, с короткими, чуть волнистыми черными волосами. Движения ее были лишены суетливости, но морщинки вокруг глаз на выразительном тонком лице говорили о том, что она очень любит улыбаться и ей не терпится обзавестись новыми, такими же веселыми морщинками. Инспектор приветствовал ее дружески, но с некоторой долей снисходительности. Его дочь была немногим младше Сабина, и ему хватило одного взгляда, чтобы определить, что у начальницы, всегда такой безупречно аккуратной, не было времени собраться как следует. Но ситуация была под контролем, и небольшое опоздание не могло нанести делу никакого вреда. Между начальницей и подчиненным установились прекрасные отношения, и базировались они на профессиональном уважении, некоторой отстраненности и (почему бы и нет?) взаимной симпатии. Сабина ответила на приветствие и слегка сжала руку инспектора, в благодарность за то, что он выбросил сигарету, перед тем как подойти к ней. Ей пришлось на несколько секунд задержать дыхание, потому что она не выносила табачного запаха, а Джимонди был из тех, от кого несло как от пепельницы, даже

на расстоянии. Впрочем, должен же он иметь хоть какой-то изъясн: кристально честный специалист, ориентир для всего комиссариата и, по-видимому, несколько лет и несколько килограммов тому назад – мужчина «полный отпад»...

Сабина поздоровалась с фельдфебелем, бывшим в подчинении полицейского пункта в Париоли, который заранее явился на пост, чтобы собрать кое-какую информацию и удовлетворить любопытство, испокон веков пожиравшее карабинеров. С последними отношения тоже были налажены, а потому ей хватило одного жеста, чтобы дать ему понять, что после первичного осмотра места происшествия она разрешит своим людям сообщить ему анкетные данные жертв и другие полезные сведения. Неважно даже, уверена ли она, что фельдфебель и так знает о происшествии все или почти все. Уравновешенные отношения с коллегами, даже из другой организации, всегда очень важны.

Джимонди пошел наверх пешком, избавляя ее от неприятной обязанности отказаться от лифта, который за несколько секунд насквозь пропахнет табаком, едва он войдет в кабину. Сабина вошла в лифт вместе с незнакомой девушкой в форме, которая, несмотря на бессонную ночь на дежурстве, бодро поздоровалась и протянула ей идентификационные карты² жертв, взятые в квартире.

Сабина рассеянно посмотрела на них, задержав взгляд на

² Карта идентификации обязательна для каждого гражданина Италии, без нее невозможно совершить целый ряд операций в банках и т. д.

лицах, глядящих с целой серии фотографий, собранных в портфолио. Он: Карло Брули, 1981 года рождения, рабочий. Жесткие курчавые волосы, крепкая фигура, сдержанная улыбка и взгляд, явно не соответствующий нобелевскому лауреату. Она: Гайя Лаурентис, 1986 года рождения, служащая. Открытая улыбка, обрамленная локонами с неаккуратной мелировкой, небрежный макияж. Красивая девушка, только плохо за собой следит.

Со временем Сабина научилась отодвигать в сторону естественное сопереживание в трагедиях, с которыми приходилось сталкиваться, но не смогла сдержать сочувственного вздоха. У этой пары вся жизнь была впереди, жить бы и жить ее вместе...

Они поднялись на лестничную площадку третьего этажа. Квартира располагалась слева; возле полуоткрытой двери их дожидался еще один полицейский в форме, о чем-то переговариваясь с санитаркой из «Скорой помощи». В квартире напротив маячило заплаканное лицо соседки, которая, видимо, и вызвала полицию. Она вежливо поздоровалась, сдерживая на поводке мопса, вертевшегося у нее под ногами. Наверное, это была собака пострадавших, которую пока поручили ее заботам, чтобы успокоить. Сабина кивнула ей и вошла в квартиру. И сразу почувствовала запах пороха и крови – тот самый терпкий и едкий запах, что так привычен для полицейского. Справа располагалась маленькая кухня, слева – гостиная; короткий коридор вел в ванную и

еще в две комнаты. На вешалке висел легкий женский жакет от «Гуччи» и сумочка от «Луи Виттон». Под огромным, как гараж, смарт-телевизором – «Икс-бокс», «Плейстейшн» и многодиапазонная система «долби». К противоположной стене, прямо по штукатурке, прикреплена довольно безвкусная гигантская фотография, из тех, что делают, когда садишься на круизный пароход. На этажерке – свадебное фото, сделанное лет десять назад. Молодые на нем одеты богато, но безвкусно: она похожа на куклу, а он настолько старается быть элегантным, что, наоборот, кажется ужасно неуклюжим. Фотограф поймал их в момент «страстного» объятия на публику, такого же фальшивого, как и их любовь, которая завершилась трагедией.

«Наверное, муж принадлежал к фанатам фэнтези или научной фантастики, запрудившей всю Италию», – подумала Сабина. Повсюду были разбросаны статуэтки, значки, иконы и прочая низкопробная мишура. В одном из углов гостиной она с некоторой долей отвращения заметила репродукцию в натуральную величину: всем хорошо известный парень в черной каске и плаще. Там же виднелся и фотомонтаж на грани китча, с изображениями Люка и Леи из «Звездных войн», которые неизвестный фотограф – окончательно потерявший последние крупинцы хорошего вкуса в угоду легкому заработку – наложил на лица молодых. Особенно досталось невесте: у нее был такой вид, словно она скорее даст себя сжечь, чем подвергнется такому мучению. Хотя чего не

вытерпишь ради любви, даже если муж заставляет тебя наклеить изображение принцессы Леи с конструктора «Лего» на брелок для ключей, висящих на двери рядышком с его ключами, к которым приклеен портрет Оби-Вана Кеноби...

Годы работы в полиции научили Сабину цинизму. Она быстро прикинула: 80–90 квадратных метров, зона густонаселенная, обстановка и домашняя утварь в квартире, конечно, вульгарны, но по качеству несопоставимы с уровнем жизни двух молодых служащих, даже если обставить жилище им помогли родители, да и сами молодые влезли по уши в долги. В доме идеальная чистота и порядок, несмотря на присутствие собаки. А это значит, что, по крайней мере, раза два в неделю квартиру убирает домработница, хотя бы и небрежно. Получается, что эта парочка – очередная жертва маркетинга, когда форсу много, а по сути – пшик... Любовь, которая трубит о себе направо и налево, а на самом деле – прячется. Что ж, известная трагедия...

Сабина понимала, что на нее сейчас вполне можно приклеить этикетку «Говнючка». В жизни ей пришлось многое повидать и передумать, но уж чему она научилась, так это не делиться с посторонними своими циничными соображениями. А потому весь этот ряд язвительных наблюдений нашел пристанище исключительно в ее голове. Такими мыслями она делилась только с Роберто. Он был гораздо умнее ее, к тому же его разум находился с ней полностью «на одной волне». С таким ей еще никогда не доводилось встречать-

ся. Общаясь с ним как с сотрудником муниципальной полиции, Сабине надлежало быть профессионально сдержанной и холодной. Зато потом, в интимной обстановке, она, уже не сдерживаясь, расскажет и прокомментирует каждую деталь, чтобы еще ярче разгорелся огонь их сообщничества.

Дежурный врач, прибывший на автомобиле медицинской службы, только что официально засвидетельствовал смерть супругов Брульи. Он вышел из спальни и отдал заключение Джимонди, на всякий случай подчеркнув, что даже не прикасался к телам, поскольку в этом не было никакой надобности. Потом распрощался и помчался знакомиться с очередным трупом. Проклятая работа.

Комната освободилась. Сабина тем временем натянула на руки белые перчатки из синтетической ткани и вошла. На сотом трупе ей уже удалось преодолеть тот ужас, что свойствен всем человеческим существам. Однако на тела надо было взглянуть, чтобы уточнить все детали для тех, кто дождался ее вызова, чтобы потом закидать ее простыми вопросами, пригодными разве что для того, чтобы систематизировать центнеры бумаги и выбросить их, если окажется, что смерть была насильственная.

Слева располагалось супружеское ложе, и жуткая в своей неподвижности сцена полностью соответствовала описанию, которое Джимонди дал по телефону. Казалось, что Карло, сидя на правой стороне кровати, схватил пистолет, «Беретту» – полуавтомат, сунул дуло себе в рот и выстрелил. Он

сидел спиной к жене, спустив ноги на пол, и пуля в один миг убила его и ударила спящую Гайю в шею. Женщина лежала, свернувшись в «позе эмбриона», и, скорее всего, даже ничего не заметила. Она умерла во сне, чего себе желают очень многие, с того момента, как осознают, что смертны. А вот Сабина мечтала умереть счастливой.

Ее глаза, привыкшие к сценам, которые остальные видели только в кино, скользнули на крепкое, прекрасно сложенное тело женщины, лежащее спиной. Роскошные бока, осиная талия и накачанные мускулы говорили о многочасовых занятиях в спортзале. Шелковая простыня, покрывавшая тело, немного съехала в районе ягодиц, и показались коричневые трусики танга с кружевной отделкой. Сабина вгляделась в шею. Место, куда вошла пуля, было видно хорошо, но крови вытекло совсем немного. Зато на белокурых волосах, более ухоженных, чем на фотографии с карты идентификации, виднелись пятна крови и мозгового вещества мужа. Зрелище не из приятных.

После выстрела сила тяжести отбросила Карло назад, и его голова, на первый взгляд абсолютно целая, залила своим содержимым всю спину жены. Его широко распахнутый рот, казалось, кричал, испрашивая прощения за тот ужас, который он совершил.

Следующие несколько секунд Сабина молча оглядывала комнату, стараясь не шуметь из уважения к происшедшему. Джимонди стоял позади нее, не переходя порог, чтобы снова

не надевать перчаток. В полном молчании он прошел за ней в кухню. Она оперлась на стол, вздохнула и попросила, чтобы позвали того полицейского, кто первым вошел в дом, дабы не повторять без конца одни и те же вопросы. Им оказался высокий, вальяжный парень в форме, что стоял у входа. Он молча подошел и кивнул, готовый все рассказать.

– Ты ведь Фоски, да?

У Сабины была привычка говорить «ты» всем коллегам рангом ниже ее. Некоторые находили это неуместным, но со временем в ней укоренилось убеждение, что большинству ее сотрудников такой доверительный стиль даже нравился. Фоски, молодой и расторопный командир мобильного патруля, явно это оценил.

– К вашим услугам, доктор.

– Наберись терпения. Я знаю, что ты уже все рассказал милейшему Джимонди, но мне предстоит в подробностях доложить обо всем начальству, которое поумнее нас с тобой. А потому давай начнем сначала, если не возражаешь.

Парень кивнул.

– Вызов поступил от соседки напротив?

– Да. Она проснулась от звука выстрела примерно в тринадцать утра. Встревожилась и прислушалась, услышала, что завyla собака, подождала несколько минут, потом набралась мужества и позвонила соседям в дверь. Не услышав ответа, примерно в три сорок две набрала «один-один-два». Мы приехали сюда минут через пять, может, чуть больше.

– Квартиру вам открыла она?

– Да, у нее есть запасные ключи, но входить одна она не рискнула. Она так сказала.

– Понятно. Дверь была заперта на несколько оборотов?

– Нет, я бы не сказал. Я ведь там был... Соседка открыла ее сразу. Дверь тяжелая, бронированная, но она была только плотно прикрыта, а не заперта.

– Хорошо. Надо узнать у нее, часто ли так бывает. А теперь, пожалуйста, сосредоточься. Там включен кондиционер, а здесь, в кухне, открыто окно. Когда ты вошел, все так и было?

– Нет, окно было закрыто. Я знаю, что не следовало его открывать, но думаю, это сделали санитары. Поверьте мне, в комнате было нечем дышать. Ручаюсь, что никто не трогал то, чего не следовало трогать. Я обо всем написал в акте осмотра места происшествия, который набросал на планшете, пока мы вас ждали.

– Черт возьми, теперь планшетами снабдили и мобильные бригады?

– Нет, доктор, у нас иногда и бензина не бывает. Планшет мой. Я беру его с собой, чтобы пораньше начать готовить отчет, а когда выпадает шанс присесть, сразу его редактирую.

Сабина кивнула с довольным видом. Иметь у себя людей усердных, с хорошим самообладанием, способных достойно выполнять даже самые незначительные задания – это позволяет избежать множества неприятностей. Кроме того, Фоски

был симпатичным парнем.

– Прекрасно. Кто еще входил в комнату до настоящего времени? Какие меры предосторожности были приняты?

– По процедуре, доктор. Мы с коллегой вошли, и я по запаху сразу понял, в чем дело. На нас были форменные сапоги. Мы ничего не трогали, я только надел перчатки и зажег свет, чтобы сделать несколько снимков и передать их потом научной бригаде, когда приедут.

– Хорошо. А медики?

– Я вызвал их с Центрального поста. Они приехали через несколько минут и сделали свое дело, как положено: латексные перчатки на руках, ботинки без бахил, чемоданчики поставили в кружок. Относительно динамики происшествия сомнений почти не оставалось, поэтому они ограничились тем, что оценили состояние еще теплых тел по жизненным параметрам. Я наблюдал за ними; к телам они почти не прикасались и, думаю, вряд ли могли что-нибудь запачкать. С ними не было врача, но мы его вызвали, и он приехал на медицинской машине. Это тот, что только что вышел. Он тоже ни к чему не прикасался.

– О'кей. Что-нибудь еще?

– Пожалуй, нет. Пес успокоился, когда мы вошли, и больше не выл, а лежал, бедняга, на своей подстилке в гостиной. Соседка сама его забрала и взяла на поводок – видно, была хорошо с ним знакома.

– А она не говорила о каких-нибудь криках, ссоре или о

чем-либо подобном?

Тут вмешался Джимонди, отпустив и поблагодарив коллегу в форме.

– Я что-то такое слышал. Так, в общих чертах. Надо будет потом вызвать ее в отдел и допросить под протокол. Но, мне кажется, она как раз говорила, что ночь была спокойная. Когда раздался выстрел, она уже спала. По ее словам, женщина, как и каждый вечер, была в спортзале и дома не ужинала, насколько можно судить по тому, когда она открывала и закрывала дверь. Но точно соседка не помнит. Мужчина оставался дома, у него работал телевизор. В последний раз она встретила их на лестнице несколько дней назад, и с виду все было в норме.

– Однако было ведь заявление о преследовании?

– Да, это мы его принимали, однако точно я не помню, у нас таких заявлений полно. Потом отыщем. Но соседка знала еще кое-что: пару лет назад Гайя нашла себе другого мужчину, муж ушел из дома и начал ее доставать: подкарауливал, угрожал по телефону, устраивал скандалы на лестнице – в общем, всё как бывает... Потом они помирились – и на несколько месяцев, казалось, успокоились.

– Но, по всей видимости, не успокоились.

– Вот-вот...

– В общем, если события развивались именно так, нет смысла в них углубляться. А пистолет?

– Несколько лет назад Карло получил разрешение на но-

шение оружия как инкассатор и даже давал присягу. Потом служил в офисе какой-то фирмы бухгалтером, но пистолет у него остался, поскольку разрешение на ношение оружия поменяли на разрешение на хранение. Еще одна наша задача: надо будет это выяснить, даже если по документам всё в полном порядке.

– Ладно. Но есть в развитии событий что-то странное... Тебе приходилось когда-нибудь с таким сталкиваться?

– Если честно, то нет. Ясно одно: не так-то просто было выстрелить в темноте себе за спину, да еще вслепую, учитывая, что, если собираешься покончить с собой, наверняка очень волнуешься...

– Думаешь, с этим делом будут проблемы?

– Ну, уж не такие, какие поимела Гайя.

Они сдержанно посмеялись над шуткой, понимая, что в такой ситуации шутить не годится, но, когда каждый день сталкиваешься со смертью, умение снизить накал обстановки означает, что в ближайшее время не спишишь. Оба снова посерьезнели, и Сабина принялась что-то набирать на экране мобильного.

– Звоните в муниципальную полицию, доктор? – Джимонди приправил свой вопрос изрядной долей лукавства.

Сабина знала, что слухи о ее неуставных отношениях с доктором Плачидо уже начали гулять по отделению, но для нее это не было проблемой. Она дожидаться не могла, когда же они дойдут до ушей его жены, тоже магистрата римско-

го трибунала. Может, хоть тогда что-то сдвинется с мертвой точки...

Она ответила очень сдержанно, чтобы подчиненный не особенно задавался:

– Да, попозже позвоню, а сейчас я пытаюсь выяснить, не отправлял ли кто из этих двоих сообщения в соцсетях. Журналисты и любопытные всегда с этого начинают, а ты, конечно, об этом не подумал.

Инспектор улыбнулся и тряхнул головой.

– Вы правы, я действительно об этом не подумал.

– Старая школа никогда не дает промашки, зато у молодых шаг шире, и они на шаг впереди, дражайший Джимонди.

Тот принял удар и приготовился парировать, как всегда, обратив все в шутку:

– Согласен, я вот это все как-то не связал с интернетом. Но новая школа все же должна задать мне один очень важный вопрос.

Сабина не обратила внимания на эти слова. Она сосредоточилась на своих поисках, которые, похоже, не дали результата. Каждый из супругов имел аккаунт на «Фейсбуке», но там не было интересных постов. Так, повседневная бойкая чепуха, которую пересылает друг другу молодежь и народ постарше: приколы, чередующиеся с музыкой и смешными мемами.

– К счастью, тут нет никаких скабрзностей для журналистов. Так что ты говорил? О чем это не подумала новая шко-

ла?

– О гильзе, доктор, о гильзе.

– Ах, да... Так где же гильза, дорогой Джимонди?

– Я ее не видел, доктор.

Сабина в сомнении наморщила лоб. Потом тряхнула головой и изрекла:

– Однажды на занятиях по осмотру места преступления в школе мы битый час искали гильзу. А она после выстрела инструктора застряла за огнетушителем, висевшим на стене. Гильза может отлететь куда угодно и неизвестно, где застрянет.

– Ее наверняка найдет научная бригада, когда соизволит появиться.

– Конечно. Помнится, старая школа приглашала новую на завтрак? Так что с завтраком?

– Завтрак так завтрак. Пошли в сицилийскую кондитерскую?

– С удовольствием. Только скажи, пожалуйста, Фоски, чтобы позвонил в Центральное отделение и вызвал дежурную труповозку. Нам надо сэкономить немного времени.

* * *

– Доктор Плачидо?

– Да? Кто это?

– Это доктор Монделло, полиция, комиссариат Париоли.

Добрый день. Я не очень вас побеспокоила?

– Что вы, конечно, нет. Добрый день. Я так понимаю, вопрос касается работы?

Сабина улыбнулась про себя. Ей ужасно нравилось вводить Роберто в смущение. Он был человек цельный, уверенный и твердый, как гранит, но она знала, как поставить его в затруднительное положение, особенно когда рядом находилась жена. Время было уже не раннее, но известно, что магистраты смотрят на время сквозь пальцы, а потому оба, должно быть, еще дома. Сына в школу отвезет домработница-сингалезка³. Роберто не распознал номер, потому что дежурные магистраты обменивались служебными телефонами, и номера сотен людей, звонивших им, в рубрике не оставались. Сабина выдержала профессиональный тон:

– Должна вас проинформировать о предполагаемом убийстве-самоубийстве. Скверная история. Муж и жена, зона Париоли, в районе базилики.

– Так. Слушаю вас.

Она изложила дело с краткостью опытного профессионала. С годами у нее появилась уверенность, которой очень многие завидовали. Под конец краткого отчета прокурор задал несколько вопросов, в общей сложности очень простых, и получил точные ответы.

– Очень хорошо, доктор Монделло. Вы, как всегда, точны. Думаю, мне не надо выезжать на место происшествия, ситу-

³ Сингалезка – представительница основной народности о. Цейлон.

ация и так ясна. Я дам разрешение на вывоз тел, судебный медик проведет осмотр в морге, и, если ничего не найдет, можно будет отдать тела родственникам.

– Э... Видите ли, доктор, тут есть одна загвоздка, о которой вы должны знать. Мы не нашли гильзы.

– Ну, может быть, стреляли не из револьвера...

– Нет, стреляли, совершенно точно, из полуавтоматической «Беретты». Разрешение на хранение есть. Сама пуля застряла в ночном столике жены, а вот гильзы нигде нет. Научная бригада уже закончила работать, но гильзу не нашла.

– Полагаю, это может немного усложнить дело.

– Я тоже так считаю. Есть вероятность, что гильза находится под одним из тел, но мы сможем обнаружить ее, только сдвинув их с места.

– Продолжайте. Если не найдете, позвони мне, я подскочу и угощу тебя кофейком. Что скажешь?

Жена, должно быть, ушла в другую комнату, потому что Роберто быстро перестроился на менее формальный тон. По телу Сабины прошла дрожь удовольствия.

– Скажу, что надеюсь, что гильза не отлетела далеко.

Прокуратура не снабжает заместителей прокурора машинами, а потому доктор Плачидо приехал часа два спустя на патрульном автомобиле мобильной бригады. Наверное, это была лучшая из машин в смене: у нее имелся проблесковый маячок. Как только распространилась весть о том, что дело, вполне естественно, пока нельзя сдавать в архив, сразу

пришли в движение следователи более высокого ранга (как утверждали документы). И сцена заполнилась личностями в костюмах и галстуках подозрительного качества, из тех, что стоят недорого, а носить их приходится каждый день. Быстро приехали родители жертв, но в дом их не пустили. Тела увезли, и убитые горем старики потащили груз своего страдания к моргу.

Сабина издали увидела Роберто. Он выходил из машины, и перед ним толпились сотрудники, желавшие раньше всех пожать ему руку. Он выпался гораздо лучше, чем она, и выглядел свежим и отдохнувшим. На нем был просторный синий костюм, и, судя по каплям воды в гриве густых, с проседью, волос, Роберто успел принять душ. Сабине это не особенно понравилось, потому что запах пота, объединявший их несколько часов назад, был для нее близким и родным, и она любила как можно дольше сохранять его под одеждой. Словно желая компенсировать свой промах, Роберто надел галстук, который она подарила ему на Рождество. Вот человек, всегда достойный обожания, как бы там ни было.

Доктор Плачидо направился к входу, здороваясь со всеми и, подойдя к начальнице местного комиссариата, остановился и крепко пожал ей руку, ослепительно при этом улыбнувшись. Он был красив до тошноты.

– Добрый день, доктор. Вы подняли меня с постели, а теперь не устаиваете чести вас приветствовать?

– И снова добрый день, доктор. На самом деле я дожида-

ласть кофе, который вы мне так любезно обещали. Знаете, мне в эту ночь тоже поспать не удалось.

– Я свои обещания выполняю всегда, вот увидите. Заглянем наверх? Составите мне компанию? Ведь вы, вместо того чтобы отдохнуть, осматривали место происшествия?

Магистрат пробыл в доме не дольше двух минут. Тела уже увезли, а потому он ограничился тем, что внимательно осмотрел все следы и составил представление о планировке квартиры. Потом запросил фотографии, сделанные на месте преступления, и фотограф дежурной бригады вывел изображения на экран цифрового «Никона». Магистрата заинтересовало открытое окно и социальные сети, в которых состояли жертвы, и он сразу же получил ответ: последнее, что выложили супруги в Сеть (а значит, без отметки «только для друзей»), – это фото из Хорватии, где они проводили отпуск. В них не было ничего особенного.

Ровно через пять минут доктор Плачидо уже сидел за столом сицилийской кондитерской. Кроме Сабины и Джимонди, компанию ему составили комиссар мобильного отряда сыскальной полиции Рима Мильборини, который рассчитывал в будущем стать главой полиции, и начальник научной бригады.

Роберто, как всегда, держался блестяще: ему нравилось быть в центре внимания, и у него это классно получалось. Он говорил обо всем, кроме работы, естественно, втягивая в разговор Сабину, которая знала, как ответить тактично и

точно, без всяких банальностей. Ток, пробегающий между обоими, можно было, что называется, рукой пощупать, но, слава богу, все делали вид, что ничего не происходит. После традиционной дискуссии, кому оплачивать счет, оказалось, что младший по званию, Джимонди, уже об этом позаботился. Разумеется, это была неправда, и все это знали, но в определенных кругах инспекторы всегда главные. А Джимонди все оплатит позже.

Прежде чем сесть в машину с проблесковым маячком, Плачидо обратился к Мильорини, который по протоколу должен был уточнить последние детали:

– Доктор, теперь о том, что касается гильзы. Ее необходимо найти. Может быть, она прилипла к ботинку или завалилась в сумку кого-то из санитаров, но это надо срочно выяснить. Пока я готовлю документы и пока проводится вскрытие обоих тел, я сказал бы, что это самое важное из всего.

– Я тоже так считаю.

– Кстати, пока не забыл: а что с телефонами жертв?

Доктор Мильорини приехал вместе с магистратом и знал о происшествии только в общих чертах, из телефонного отчета Сабины. Ответа на этот вопрос он не знал, но был человеком решительным, а потому не стал отмалчиваться или прятаться за расплывчатыми фразами, чтобы выиграть время, и попросил ответить Сабину.

– Телефон мужчины мы уже забрали; если прикажете, доктор, то изыдем. Он лежал на ночном столике и был вы-

ключен. Его отправили в лабораторию для разблокировки, ибо мы не знаем пин-код. Телефон женщины ни в доме, ни в машине не обнаружен. Будем считать, что у нее, как и у всех, был телефон, но она, к примеру, могла оставить его в спортзале. Как только тот откроется, я пошлю туда кого-нибудь, чтобы проверили.

Магистрат согласно кивнул и снова повернулся к командиру мобильной бригады:

– Доктор Мильорини, вы не будете против, если дальнейшее выяснение деталей я поручу доктору Монделло?

– Мне кажется, это будет логично. Гарантирую, что с этого момента стану оказывать ей всяческое содействие.

Плачидо согласно кивнул и, больше ничего не сказав и не попрощавшись, сел на заднее сиденье «Альфа Ромео Джулия». Глядя, как его затылок удаляется вместе с автомобилем, Сабина почувствовала волнение.

* * *

В приемной перед кабинетом заместителя прокурора Роберто Плачидо приходилось дожидаться дольше, чем принято. Сабина, в общем, к этому привыкла, ибо со стороны магистратов помучить уголовную полицию было делом обычным. Но она полагала, что Роберто вызвал ее для стратегического маневра, чтобы прекратить сплетни об их особенных отношениях. По той же причине она взяла с собой напарни-

ка. В конце концов, возможностей встретиться наедине у них было предостаточно, особенно по ночам.

Тут ей в голову пришла идея. Она попросила Джимонди подождать несколько минут и зашла в туалет. Убедившись, что больше в туалете никого нет, расстегнула блузку, подняла правую чашку бюстгальтера и сделала фото собственного отражения в зеркале. Сразу отправив фото Роберто по ватсапу, приписала: «Если хочешь их увидеть,пусти меня в кабинет максимум минут на пять».

Сабина вернулась в коридор, где дожидались человек десять государственных обвинителей, и увидела, как перед Джимонди распахнулась дверь. Роберто, как всегда элегантный, но без пиджака, провожал к выходу одного из тысяч адвокатов, наводнивших римский Форум. Тот факт, что адвокат был женщиной, и выглядела она так, словно собиралась под венец, а особенно восторг, с каким Роберто к ней обращался, сразу заморозили улыбку, которую Сабина приготовила для возлюбленного. А он, неотразимо профессиональный, видимо, не желая лишних ссор, радушно пригласил полицейских войти.

В кабинете, в отличие от большинства кабинетов коллег, царил чистота и порядок. На столике за стульями для посетителей лежали несколько папок и на письменном столе – всего несколько листочков. А в кабинетах многих обитателей того же коридора было трудно различить, какого цвета пол, потому что на нем сплошь громоздились стопки па-

пок с текущими делами. Доктор Плачидо являл собой живую демонстрацию принципа, согласно которому, если захотеть, все станет вершиться по воле Божьей, даже в юдоли слез, именуемой итальянским правосудием. Стену за письменным столом почти целиком занимал броский постер с изображением Арсена Люпена⁴. В воздухе витал аромат духов адвокатессы, охотницы за громкими именами, а послевкусие составлял слабый запах нескольких сигарет, которые Роберто позволял себе выкурить, особенно под вечер.

Сабина подавила раздражение. С годами она научилась обуздывать ревность, прекрасно понимая, что в глазах Роберто всегда будет лучше всех. Это сознание напитало чувством ее жизнь, которая до переезда в Рим была сплошным несчастьем. Теперь ей было ради чего жить.

– Итак, синьоры, приветствую вас! Прошу прощения, что заставил ждать.

– Не беспокойтесь, доктор, мы привыкли. Поверьте, Джимонди провел в этом коридоре больше времени, чем с женой.

Джимонди ловко парировал:

– Я бы сказал, к счастью!

Все с удовольствием рассмеялись, и атмосфера сразу стала дружеской, как всегда с доктором Плачидо. В такой атмосфере легко работать, хотя в кругах юристов она большая редкость.

⁴ Арсен Люпен – герой серии приключенческих романов М. Леблана, благородный разбойник и грабитель-джентльмен.

– Я полагаю, вы хотели бы поговорить со мной о супругах Брульи и изложить все ободряющие известия, которые я очень хочу услышать.

Первой заговорила Сабина – одна из немногих офицеров ее ранга, способных внятно доложить обо всех этапах следствия, за которое она отвечала.

– Не совсем так, доктор. Для начала скажу, что на сегодня у нас нет ничего конкретного, что могло бы склонить чашу весов в пользу самоубийства супруга. Гильза никуда не отлетела, точно так же, как и мобильник его жены. На месте происшествия их просто нет. Уверяю вас, мы обыскали все уголки.

В прошедшую ночь Роберто и Сабина занимались любовью в его машине, под звездным, как в кино, небом, на полянке между холмами к югу от Рима. Конечно, он все знал о развитии событий, но притворялся, что жадно впитывает информацию, чтобы достойно продолжить игру на глазах у инспектора, который выглядел очень серьезным.

– Тогда я должен передать вам полномочия, для начала в минимальном, самом необходимом объеме. Ведь был же у женщины мобильник?

– Несомненно. Мы спрашивали у соседки, да и мать погибшей это подтвердила. В тот день она звонила с него много раз. Как знать, может, она просто выронила его или забыла где-нибудь, а может, его украли и она еще не успела заявить... Мы уже получили распечатку ее звонков. Если вы

не возражаете, выходя, мы оставим ее в канцелярии.

– Хорошо. Но оставьте ее здесь, у меня в секретере, и до конца дня я подготовлю постановление. Для начала наберем номера обоих супругов. Родителей вы допросили?

– Да, разумеется, но коротко, учитывая тяжесть момента... Они не замечали, чтобы между супругами или у пары с соседями были конфликты. Однако имейте в виду, что мать женщины даже не знала о заявлении двухлетней давности о предполагаемом stalkingе. Значит, особого доверия между ними не было. Мы установили личности нескольких близких друзей и в ближайшие дни допросим их, дабы понять, что побудило Карло убить Гайю. А может быть, кто-то хотел убрать их обоих...

– Я запросил то давнее заявление. Там все изложено очень подробно: Карло был опасен, он следил за женой, подкарауливал и постоянно преследовал ее. Вам даже пришлось на какое-то время отобрать у него пистолет.

– Да, меня тогда здесь не было, я тратила время, возясь с паспортами в квестуре в Венеции... но Джимонди был. Он не запомнил факты и подробности, потому что мы каждый день получаем кучи заявлений о слежке и преследованиях. Но он все их читал и, думаю, сможет доложить.

Магистрат согласно кивнул. Инспектор прокашлялся, чтобы смягчить хрипоту заядлого курильщика, и отчитался о том небольшом расследовании пунктуально, хотя и чуть бестолково. Излишнее многословие – в уголовной полиции

явление распространенное, и часто его усиливает и утяжеляет постоянное употребление непонятных технических терминов.

Пару лет назад, порывшись в эсэмэсках в телефоне жены, Карло обнаружил измену. В ярости он ушел из дома, но потом пожалел об этом и через несколько недель вернулся. Тем временем Гайя не стала его дожидаться и загорелась новой страстью. Когда бедняга Карло об этом узнал, он в буквальном смысле слова потерял голову. Следил за ней, угрожал на каждом шагу, оскорблял и пару раз даже пытался побить, но эта затея не удалась. А Гайя вдруг перестала появляться в комиссариате, а примерно через год забрала заявление (деяния по таким заявлениям редко наказуемы). С того момента все вроде бы нормализовалось. Пистолет был возвращен владельцу как необходимый инструмент для работы.

– Кто знает, что ему еще взбрело в голову... Есть уже результаты вскрытия?

– У нас пока нет результатов токсикологии, но я присутствовал на обоих исследованиях, – ответил Джимонди. – Нет никаких сомнений в том, что причиной смерти обоих стала та самая пуля. Похоже, что перед смертью у дамы был сексуальный контакт с глубоким проникновением, в том числе анальным. И везде остались следы спермы, готовой выполнить свою функцию. Впоследствии мы узнаем, был это муж или кто-то другой.

– Думаю, у него на руках сохранились следы пороховых

газов.

– Вы совершенно правы: положительная проба с левой руки. К тому же мы выяснили, что он был левшой.

– Отлично. Дом опечатан и поставлен под наблюдение?

Тут снова заговорила Сабина:

– Совершенно верно. Мы сопроводили туда родителей, и они забрали фотографии и одежду супругов для похорон. Я вас не предупредила, потому что не хотела лишний раз беспокоить. Но служебная записка составлена, и я вам ее перешлю, так что всё в порядке. Следуя вашим указаниям, тела мы отдадим родителям завтра.

– Но вы, доктор, вовсе меня не беспокоите... И последнее: как насчет «былой страсти» супруги? Вы взяли объект под наблюдение?

– Да, конечно. Он служил фельдфебелем в небольшом крепостном гарнизоне. За это время успел жениться и был переведен на другое место службы. Насколько нам известно, сейчас он откомандирован куда-то за границу. Постараемся выяснить подробнее, но мне кажется, в этом направлении искать бесполезно.

– Какая продуктивность! Сказать по правде, я к такому не привык. Если появится подозреваемый, он еще до наступления вечера будет в наручниках!

– Вы же знаете, что комиссариат Париоли всегда на шаг впереди всех...

Все снова рассмеялись и поднялись, чтобы распрощаться.

Прокурор проводил гостей к двери и, не дойдя до секретера, обратился к Сабине:

– Доктор Монделло, если не возражаете...

Оба полицейских обернулись.

– Да, доктор, я вас слушаю.

– Вы не будете возражать, если я украду у вас еще минуту?

Это не займет много времени.

– А, это насчет того дела, что грозит зависнуть?

– Совершенно верно. Буквально секунду...

Сабина попросила напарника самого оставить запрос на данные у секретаря, и Джимонди, как всегда точный и безукоризненный, сделал прощальный жест рукой и удалился.

Вслед за Роберто она вернулась в офис и аккуратно прикрыла за собой дверь, а он успел уже усесться в кожаное кресло и теперь впился в нее жадными глазами.

– Я вас слушаю, доктор Плачидо.

– Знаешь, та фотография получилась какая-то смазанная... Дай на них полюбоваться. Или ты против?

– Нет, доктор. Я вовсе не против...

2

Анализ телефонных звонков только усложнил дело. Бригаде старшего инспектора полиции Монделло под руководством Джимонди пришлось немало потрудиться, чтобы осмыслить всю эту грудку данных. Работа, если не считать обычных рутинных дел комиссариата, опустевшего в сезон летних отпусков, потребовала подключить еще троих сотрудников на пять дней. Но и этого не хватило, чтобы нащупать путь к быстрой разгадке загадок, которые так и налезали друг на друга.

Номер мобильного Гайи был включен весь день накануне ее гибели и отключился только после полуночи. По словам свидетелей, женщина аккуратно ходила на работу в разные офисы кооператива услуг, где служила уже давно. У нее была должность социального работника, но ее часто занимали и на других фронтах: в больницах, в центрах приема, обществах инвалидов и других организациях поддержки на всей территории столицы. В этот день, последний перед отпуском, она сопровождала коллегу из администрации района Буфалотта и вела себя как обычно, то есть выглядела спокойной и даже веселой. Со своей спутницей она говорила мало, хотя они были знакомы много лет и часто пускались в доверительные беседы интимного свойства. Гайя рассказывала о будущем отпуске в Хорватии, куда они с мужем со-

бирались отправиться в «доме на колесах». Она была рада поездке, но не выказывала особого энтузиазма. Коллега, потрясенная происшедшим, вспомнила, что незадолго до этого Гайя поведала ей, что решила перестать предохраняться и попытаться забеременеть, но с тех пор этой темы больше не касалась.

Около шести вечера она, как обычно, вышла из офиса и отправилась в спортзал Париоли, в фитнес-клуб «Даблиу», который располагался близко от ее дома и куда она ходила уже несколько лет. В августе занятий с тренером не было, но хозяин спорткомплекса и некоторые посетители видели, как Гайя занималась одна, сначала аэробикой, потом на снарядах с отягощением, и закончила уже после половины девятого. Потом отправилась перекусить с какими-то незнакомыми людьми, не отходя далеко от дома. И действительно, ее мобильник находился в соте, совместимой и со спортзалом, и с квартирой, которую они занимали с мужем. Камеры слежения спортзала зафиксировали, как она вышла и направилась налево, в сторону улицы Королевы Маргариты. Отсюда одинаково удобно было дойти и до дома, и до многочисленных местных кафе и ресторанчиков. Выглядела Гайя спокойной, волосы были еще влажные, и она так и осталась в легком разноцветном гимнастическом комбинезоне. Просмотр видео с других камер результата не дал. Официанты крупных кафе, где подавали аперитив и можно было поужинать, ее не припомнили. Должно быть, она вернулась домой к полуночи или

чуть раньше, как и сказала соседка. Потом отправила матери эсмэску с пожеланием спокойной ночи, и та это подтвердила. В течение дня Гайя пару раз ответила на звонки мужа, один раз – после обеда – на звонок матери, потом несколько раз звонила на знакомые номера на работу. Был еще звонок с незнакомого номера, принадлежавшего какой-то китаянке. Этот номер не входил в число частых контактов (в последние десять дней ни с него, ни на него не звонили). С этим номером достаточно часто соединялись раньше, что неудивительно для того, кто постоянно заглядывает в «Фейсбук» и пользуется вотсапом или другими соцсетями (табуляграммы не показывают номера контактов в вотсапе, только общие данные). Связь прекратилась около часу ночи. Видимо, Гайя отключила телефон, как обычно поступала, не желая получать по ночам лишнее облучение. Телефон так нигде и не нашли. Сколько сыщики ни старались, сколько ни напрягали фантазию, им так и не удалось дать этому факту приемлемого объяснения. Может быть, Гайя отправила матери эсмэску раньше, а не из дома, чтобы успокоить мать, что тоже естественно для тех, кого родители не решаются «спустить с поводка». Где бы она ни находилась, ее телефон все время был привязан к одной соте в Париоли и этой соты не покидал. Правда, она могла потерять телефон или кто-то мог его украсть, а потом выключить, чтобы замести следы. Гайя вполне могла отложить подачу заявления о краже и прочие неприятные хлопоты на утро, до которого ей не суждено бы-

ло дожить. Она вернулась домой и отправилась спать. Перед сном у нее был сексуальный контакт с мужем, с которым у них уже несколько лет все было хорошо, как в один голос утверждали абсолютно все. А потом она была убита во сне выстрелом мужа.

По всеобщему мнению, это было объяснение правдоподобное, но маловероятное.

Табуляграммы телефона мужа вызывали меньше сомнений, но и в них содержались сюрпризы. Последний день своей жизни, в отличие от жены, Карло уже был в отпуске и весь день просидел дома – по крайней мере, об этом свидетельствовала сота телефона, из которой он не выходил. Видимо, он подсоединился к домашнему вай-фаю, потому что трафик данных у него не работал, и он получил всего четыре вызова. Один, поздно утром, пришел от отца. По телефону у отца спросили, о чем был разговор, и тот ответил, что они обсуждали некоторые детали, касающиеся «дома на колесах», на котором сын собирался ехать в отпуск. В тот же день после обеда тот привез ему ключи. Потом они в последний раз вместе попили кофе, и сын выглядел совершенно спокойным. Второй вызов пришел ранним вечером из офиса жены, с номера, принадлежащего китайке, который был у Гайи в телефоне. И последний, оставшийся без ответа, – около девяти вечера, от самой Гайи, когда она уже выходила из спортзала.

Сабина и Джимонди передали результаты анализа данных и первых сопоставлений доктору Плачидо, прямо в его ка-

бинет в прокуратуре. Роберто и Сабина часто виделись в эти дни, но встречи были по большей части тайные, и не всякий раз они говорили о работе. Таким образом, солидную часть информации магистрат получал впервые, но это никак не влияло на холодную трезвость его ума.

– Я полагаю, что китаянка – не более чем выдуманный «левый» абонент, какая-нибудь прислуга или домработница, иначе вы установили бы ее личность.

Сабина обожала говорить со своим кавалером о работе – и в офисе, и вне его.

– И правильно полагаете, доктор. Мы ее уже вычислили: это уборщица-сингалезка, она служит во многих домах на этой площади и одевается исключительно в черное. В августе обычно уезжает к себе на родину, а вот по возвращении мы ее выслушаем и поймем, знает ли она что-нибудь о домашнем равновесии в семействе Брульи.

– Еще одна ложная версия, как и версия о друзьях и родственниках, которые, насколько я понял, думали, что у этой пары всё в порядке.

– Вот именно. Сегодня мы принесли вам запрос от табulators на номер китаянки... другого выхода у нас нет.

Магистрат встал и подошел к окну. Несколько секунд он наблюдал за спокойным августовским движением, потом заговорил:

– Поправьте меня, если ошибусь. Входная дверь была закрыта, но на ключ не заперта, что необычно, по словам

сплетницы-соседки, которая не могла уснуть, пока не услышит, как ключ поворачивается в замке. Мы не можем исключить, что некто каким-то образом проник в дом ночью, возможно, имея копии ключей, разбудил Карло и, заставляя его молчать, «заткнул» ему рот дулом пистолета и выстрелил, убив тем же выстрелом и жену. След пороховых газов на руке Карло не в счет, мы это знаем. Достаточно вложить пистолет ему в руку через секунду после выстрела, и смыв с ладони даст положительный результат. После такой предосторожности убийца еще забрал с собой телефон Гайи: видимо, в нем было что-то, полезное для нас. А потом тем же путем вышел, не заперев дверь, чтобы не создавать лишнего шума. Я в чем-то ошибаюсь?

– Великолепно, доктор.

– Гильзы бывают раскалены; возможно, убийца наступил на гильзу, и та застряла у него в резиновой подошве. До сих пор вы были на высоте, но что-то все-таки от нас ускользнуло... Да и я завтра уйду в отпуск. Просто чудо, что газетчики еще не нажились на странностях этого дела, и все оттого, что редакции опустели: время отпусков. Значит, пока это вопрос времени. Если же «нарыв» лопнет в мое отсутствие, возникнет серьезная проблема, и к этому мы должны подготовиться. Вы на машине?

– Конечно, доктор.

– Ладно, пусть будет ваш «Пунто», не переживайте. Поехали в тот дом.

Сабина попыталась сдержаться, но не выдержала и рас- смеялась:

– Если уж быть точными, то этот «Пунто» еще прошлого века, но до Париоли довезет.

* * *

Когда они подъехали к дому, их уже поджидал патруль- ный автомобиль с ключами от квартиры. Они сорвали печати (листки бумаги А4 со штампом полиции, приклеенные скот- чем к двери) и вошли. Внутри стоял мерзкий запах, потому что, по распоряжению магистратуры, комнату не прибирали, и остатки пищи и прочий мусор уже начали разлагаться на августовской жаре. Джимонди сразу же открыл окна, чтобы хоть чуть-чуть проветрить комнату.

Они осторожно огляделись и прошли в гостиную.

– Господа, – начал Роберто, – вы отлично поработали, тут ничего не скажешь. Начиная с этого момента и дальше, да- вайте подумаем, что бы нам следовало сделать с самого на- чала, если б дело шло о самоубийстве. Таким образом, если убийства не было, мы сможем это доказать. Понимаете?

Оба сосредоточенно кивнули.

Коллеги из комиссариата весьма кстати доставили для всех латексные перчатки и полиэтиленовые пакеты для вещ- доков. После пятиминутного осмотра все снова собрались в гостиной и уселись на диван. Джимонди держал наготове за-

писную книжку, чтобы сразу же запротоколировать осмотр места преступления.

– Итак, господа полицейские, что мы имеем?

– Мы имеем полный абсурд, доктор, – отчеканила Сабина. – Гайя принимала противозачаточные таблетки, – она подняла вверх прозрачный пакетик, куда положила упаковку таблеток, уже наполовину опустевшую. – Судя по тому, что половина израсходована, она принимала их каждый день.

Тут вмешался Джимонди, поднимая еще один пакет:

– А в корзинке в ванной было вот это: упаковка от презерватива. А сам презерватив бесследно исчез.

– Но нам известно, что во влагалище Гайи были следы спермы, так?

Джимонди подтвердил. Роберто тут же решительно возразил:

– Очень странно. Прошу вас, немедленно позвоните врачу, которому я поручил произвести вскрытие; скажите ему, что вы находитесь здесь со мной, и запросите у него сведения о вскрытии в реальном времени. Возможно, тогда мы сможем выдвинуть более детальную гипотезу.

Пока Джимонди звонил из кухни, Роберто и Сабина оставались в гостиной одни, с трудом сдерживаясь, чтобы не пуститься в любовные игры. Чтобы отвлечься, они начали обсуждать безвкусную мебель, очень дорогую и малофункциональную, зато шикарную. Минуты через две вернулся Джимонди. Вид у него был решительный.

– У меня новость!

Сабина жестом попросила его продолжать, втайне надеясь, что ей удастся унять невероятное многословие напарника, которое увеличивалось, когда перед ним находился кто-то из начальства.

– Доктор Бизоли, которая производила вскрытие, упорствовала, а когда я на нее прикрикнул, то позволила себе прекратить работу!

– С чего бы это?

Сабина тут же пожалела, что отпустила такой комментарий, но мужчины дружно рассмеялись.

– Она подтверждает, что во влагалище Гайи действительно обнаружена сперма, но мы пока не знаем, чья она. На это потребуется еще несколько дней – будем надеяться, что меньше десяти, но от нее это уже не зависит. Сексуальный контакт, вероятно, произошел по взаимному согласию, потому что никаких повреждений ни во влагалищном канале, ни на слизистой нет. Новость состоит в другом: установлено, что у женщины, вероятно, был еще и анальный контакт. Судя по ссадинам на анусе, достаточно жесткий. На ягодицах наблюдаются кровоподтеки, характерные для насилия, с яркими красными пятнами, как от сильных ударов. Кровоподтеки быстро побледнели из-за остановки сердца, но доктор Бизоли утверждает, что удары Гайе нанесли за несколько часов до смерти. Она консультировалась по этому поводу с другими специалистами, но в заключении, скорее всего, бу-

дет указан интервал от двух до четырех часов.

Сабина и Роберто хором воскликнули:

– Вот и мотив!

И Сабина тут же в волнении добавила:

– Доктор, вы позволите мне изложить версию?

– Конечно!

– Выйдя из спортзала, Гайя позвонила мужу предупредить, чтобы не ждал ее к ужину. Он не ответил, и тогда она отправила эсэмэску. Муж не возражал: мало ли что, может, хотела посидеть с подружками, попрощаться перед отпуском... Но тут ее настиг некий «особенный» друг, неистовые отношения с которым имеют другой характер: обычно они оставляют на теле следы. Она на все была согласна, а дружок, разобиженный предстоящим ей романтическим путешествием, с удовольствием ставил ей синяки, чтобы и ее наказать, и мужу бросить вызов. Когда Гайя вернулась домой к Карло, у них тоже был сексуальный контакт: скучный, однообразный, по обоюдному согласию. Он заметил и кровоподтеки, и то, что у Гайи болят ягодицы. Она принимала противозачаточные пилюли, а потому он кончил в нее, а потом, обезумев от обиды, что история с изменой, принесшая столько горя в прошлом, повторилась, причем как раз перед долгожданным отпуском, решил наказать ее и вообще положить конец этому делу, чтобы избежать последствий своего поступка.

Роберто выгнул бровь, оценивая такую реконструкцию со-

бытия.

– Изумительно, доктор Монделло, но эта версия не возвращает на место ни гильзу, ни телефон и не объясняет упаковку от презерватива. С вопросом о гильзе я еще могу как-то повременить – может, она действительно прилипла к подошве сапога кого-нибудь из сто восемнадцатой бригады, а потом где-то потерялась раньше, чем вы потребовали ее найти. А вот как быть с остальными неувязками?

Джимонди так хотелось принять участие в этом увлекательном параде серого вещества, что он не выдержал:

– Доктор, но, возможно, когда жена заснула, Карло порылся в ее телефоне, лежавшем на ночном столике. Телефон был выключен, но он знал пин-код. Там он нашел подтверждение своих подозрений – может, фото или сообщения, – с горя повредился в уме и решил одним ударом со всем этим покончить. А чтобы никто больше не узнал, что он снова рогат, Карло уничтожил доказательство, то есть телефон. Исходя из того, что нам о нем известно, он мог потихоньку выйти из дома и выбросить улику в контейнер для мусора. Это объясняет, почему дверь не была заперта: он не хотел шуметь в такой поздний час.

– Bravo, Джимонди, вы вполне могли бы занимать руководящую должность. А презерватив, который, между тем, тоже исчез?

Сабина отозвалась со всей присущей ей естественностью:

– Насколько нам известно, им мог воспользоваться кто-то

другой. Они ведь были свободной парой. Я в юности выбрасывала их в унитаз, завернув в туалетную бумагу, и спускала воду. Я знаю, что так не делают, и мне очень стыдно, но я поступала именно так, и все мои подруги тоже.

Роберто несколько секунд помедлил с ответом, а она старалась поймать его взгляд. Он не поднимал глаз, а потом вдруг в упор посмотрел на нее. Сабина вся сжалась от непривычного ощущения, по телу пробежала дрожь: ей показалось, что перед ней фурия, готовая нанести удар.

Испуганная и смущенная, она обернулась к Джимонди, но инспектор уткнулся в свою записную книжку и, казалось, не уловил сути. Тогда Сабина посмотрела на магистрата и заметила, что напугавшая ее гримаса исчезла с его лица, уступив место привычному высокомерному, но сдержанному выражению, какое бывает у человека, привыкшего везде быть первым.

Сабина успокоилась и, зная любовника как свои пять пальцев, поняла, что такая откровенность его больно ранила. Несомненно, намек на множество презервативов, утопленных в унитазе, вызвали в его мозгу образы такого же множества отменных жеребцов, развлекавшихся с его женщиной. Пришлось ей пожалеть о своих словах: ведь она не хотела сделать ему больно. Снова ища глазами его взгляд, Сабина робко, заговорщицки улыбнулась и подмигнула ему. Это было обещание: она наверняка найдет какой-нибудь необычный способ добиться прощения при первом же удобном слу-

чае.

Роберто снова овладел собой и ситуацией:

– Нет, доктор, вы меня все-таки не убедили. И прежде всего потому, что объясняете отсутствие презерватива, но не причину им воспользоваться. Версия, что им воспользовался кто-то другой, критики не выдерживает. Не думаю, что Карло не знал, что его жена принимает пилюли. Где вы нашли пилюлю?

– Возле зеркала в ванной, с той стороны, где лежали всякие кремы и прочие предметы, принадлежавшие жене.

– Ну, вот видите, это вовсе не было тайной. А что лежало с другой стороны?

– Обычный мужской набор, – ответил Джимонди. – Крем после бритья, одноразовые лезвия для безопасной бритвы – и вот это!

Он поднял еще один полиэтиленовый пакетик, где лежала белая пластмассовая баночка, и прибавил:

– Снотворное на базе бензодиазепина, насколько я в этом разбираюсь, и довольно сильное.

Роберто уже окончательно пришел в себя и сосредоточенно задумался. Потом спокойно сказал:

– На вскрытии возможно определить, предохранялись ли оба партнера, и мужчина, и женщина?

Полицейские переглянулись и покачали головами. Ответил Джимонди, который имел уже тридцатилетний опыт работы с телами жертв:

– Если честно, то не знаю. Мне не приходилось.

– Вот и мне тоже. Надо затребовать дополнительный анализ образчиков материи с одежды погибших. На одежде всегда сохраняются какие-то следы. Надо внимательно изучить принцип действия снотворного и противозачаточной пилюли, и тогда мы определим, откуда взялся презерватив. Если опытейшая доктор Бизоли даст нам письменный отчет, где будет сказано, что существует только одна вероятность анального контакта, и он произошел между супругами, этот ответ меня удовлетворит и мы сдадим дело в архив. Правда, тогда теряется непосредственный мотив. Но такой мотив Карло, которому жена уже изменяла в прошлом, вполне мог найти в ее мобильнике, и тот же мотив побудил его этот мобильник уничтожить, как предположили вы, Джимонди. Если же нет возможности прояснить ситуацию с презервативом и мне не удастся уговорить прекрасную доктора Бизоли завершить анализы раньше, то тогда либо на это потребуется, как обычно, месяца полтора, либо мы перейдем к более агрессивным методам расследования. Что скажете?

Сабина еле сдержала улыбку. Поскольку ей не терпелось поскорее избавиться от этого противного дела, ее зацепила реакция Роберто, который, с трудом справившись с ударом от тысячи презервативов, выброшенных в унитаз молодой любовницей, не удержался, чтобы не подчеркнуть свои «особые» отношения с доктором Бизоли и не довести эту партию до ничьей. Как бы ни были мужики окультурены, образован-

ны и реализованы, все они всё равно одинаковы. Но своего она обожала, и ее вовсе не трогало, что в это утро Джимонди мог заметить кучу деталей, которые дадут пищу для сплетен. Наоборот, она будет счастлива, если теперь все узнают, что Роберто Плачидо принадлежит ей.

Сделав хорошую мину при плохой игре, Сабина сказала:

– Доктор, вы, как я полагаю, наверное, думаете о том, чтобы срочно установить прослушку на телефон таинственной китаянки...

– Совершенно верно. Это неизвестный номер, зарегистрированный на какого-то неизвестного иммигранта, который днем звонил обоим супругам, погибшим той же ночью. Я бы позвонил «китаянке», и тогда у нас не осталось бы белых пятен. И у меня нет сомнений, что вы, как никто другой, сумеете придумать причину для звонка этой особе.

Это уже тянуло на удар ниже пояса, потому что запустить без нужных данных работу технического отдела в середине августа означало поставить раком весь комиссариат. Похоже, Джимонди эта идея не понравилась. Но здесь надо, однако, добавить, что доктор Плачидо был человеком щепетильным и деликатным, и в прокуратуре его знали и уважали за профессионализм. Сабина старалась занять нейтральную позицию, но не удержалась, чтобы не вставить ответную шпильку:

– Ну, разумеется, никто и не сомневается, известно, что мы самые лучшие. Совсем скоро нам позвонит прекрасная

доктор Бизоли, а ближе к вечеру у нее будет мой запрос со срочным заданием для технического отдела. В запросе она будет уполномочена его выполнить, прежде чем доктор Плачидо отправится в заслуженный отпуск вместе со своей столь же прекрасной супругой, синьорой Маддаленой. А теперь, если вы не против, отправимся в сицилийскую кондитерскую. Я угощаю всех вторым завтраком. Доктор, даже не пытайтесь: всем давно известно, что магистраты никогда не платят, а потому обойдемся без обычной комедии. Джимонди, и ты успокойся: плачу я. И это приказ.

* * *

На номер «китайки» поставили прослушку по срочному запросу через два дня, то есть утром в воскресенье, ибо «везенье слепо, а невезенье скверно», как гласил плакатик, кстати, не очень-то и оригинальный, висевший за спиной Джимонди над его письменным столом. Чтобы никого не подвести, инспектор пропустил очередной перерыв и привел в действие все средства информатики, необходимые для принятия удаленного сигнала в зале прослушки комиссариата Париоли. Подсоединившись к номеру, он отправил шефу сообщение по ватсапу, уточнив, что номер выключен. Все утро инспектор просидел в офисе, дожидаясь сигнала и убивая время за изучением предшествующих звонков с этого номера за месяц.

Сабина, в парадном пляжном наряде, появилась в офисе около десяти, чтобы выпить кофе из кофеварки, слишком горячего и сладкого, но все-таки действующего лучше, чем какая-нибудь индустриальная бурда. Ее заместитель по документам уголовной полиции на три недели ушел в отпуск. Она решила, что будет правильно показаться на работе, учитывая то задание, которым так недвусмысленно нагрузили ее и Джимонди. Тот вообще слыл неутомимым, а запуск технических средств считался событием, и его требовалось обмыть кофейком. Традиции следует соблюдать.

– Приветствую шефа!

Джимонди весь пропах дымом, как Чернобыль после аварии, но на лице его сияла искренняя улыбка. Сабина спросила себя, какой же конец ждет Италию, когда последнее поколение таких, как он, уйдет на пенсию. Она тоже улыбнулась своей самой обворожительной улыбкой, чтобы в ответ отблагодарить его за самоотверженность.

– Привет, ментяра⁵! Ну что, отпразднуем наше дело кофейком? Но угощаешь ты.

Стоя перед кофеваркой, специально размещенной возле туалета, инспектор доложил, что мобильник «китайнки» начал отправлять и принимать информацию. По-видимому,

⁵ Здесь и далее: в Италии полицейских исторически называют *shirro*, от лат. *birrum* («красный плащ»). Жаргонизм «мент» пришел в Российскую империю из Венгрии, где так называли полицейских, – из-за *ментика* (венг. *mente*), составившего часть их формы. Так что «мент» – наиболее адекватный контекстный перевод итальянского *shirro*.

его хозяйка опомнилась после событий субботней ночи и вышла в Сеть и в ватсап.

– Ага, по крайней мере, мы знаем, что она не в Китае, это уже кое-что.

Оба с удовольствием рассмеялись, а вместе с ними и еще два-три агента, что оказались на службе в это злосчастное августовское воскресенье. Их начальница тоже позвала на кофе.

– Вы были на прогулке, доктор Монделло?

– Да. Я пользуюсь бассейном карабинеров в спортивной зоне, хожу туда с моей коллегой лейтенантом. Все лучше, чем торчать в очереди к морю, вот я и прикидываюсь военной, поглядите...

– Ого, даже «черные»⁶ на что-то годятся! – вставил Джимонди.

Снова раздался дружный хохот, потому что для полицейских посмеяться над карабинерами – все равно что для гибеллинов натянуть нос гвельфам. Потом все разошлись по своим делам, а инспектор пригласил свою начальницу к себе в кабинет, где занимался анализом полученных от прослушки данных. Он пообещал, что не задержит ее дольше, чем на пару минут.

⁶ «Черными» в Италии еще со времен войны гвельфов и гибеллинов называют гвельфов. Гвельфы – политическое течение в средневековой Италии, выступавшее за ограничение власти императора Священной Римской империи и усиление власти папы римского. Враждовавшие с ними гибеллины отстаивали ровно противоположные позиции.

– Я выборочно просмотрел результаты, доктор Монделло. У этой «китайки», или кто там прячется под этим именем, впечатляющая активность в Сети. На самом деле очень странно, что она так долго молчала, когда я начал прослушку, потому что вообще она очень активна: и вызовы, и эсэм-эски, и корзина...

– Это меня не удивляет. Ладно, давай, говори уже, а то я вся как на иголках. Скажи наконец то, что я хочу услышать, черт побери; ведь знаю, ты уже заглянул, куда надо...

– В день смерти Карло и Гайи «китайка» находилась в соте Париоли, если это то, что вы хотели узнать.

Сабина вытаращила глаза от удивления, но он не дал ей времени, чтобы выругаться:

– А вот в часы, примерно совпадающие с временем выстрела, она была уже далеко, в соте Чивитавеккья или где-то неподалеку.

Сабина резко выдохнула. Это известие свидетельствовало о невиновности владельца номера, кто бы он ни был. Остальным периодом срочной прослушки они воспользуются, чтобы идентифицировать его – и до свидания, дело об убийстве-самоубийстве закрыто, нравится это Роберто или нет.

– А когда она была еще в Париоли?

– Где-то около шести вечера. Потом нырнула в зону EUR⁷, потом сместилась в соту Чивитавеккья, и снова в еврозону.

⁷ EUR (Esposizione Universale Roma) – район на юге Рима, который называют «самый неримский».

Сейчас она находится в соте Прато Смеральдо-Понте, недалеко от Лаурентина. Мне известно, что «китаянка» живет там.

– Хорошо, не трать больше на это времени, Джимонди, и ступай домой, к жене.

– Только в том случае, если это приказ...

– Ясное дело, приказ! Нет тут ни похитителей, ни мафиози, и нам не надо предотвращать неминуемые преступления. Увидимся завтра. Спасибо за все, мой дорогой.

– И вам спасибо, доктор Монделло. Созвонимся, если будет что-нибудь срочное.

– Не будет. Сейчас август, воскресенье, и от жары можно содохнуть. Какие там срочные новости!

Сабина подмигнула и вышла. Джимонди проводил ее глазами. Вот бы она оставалась с ними, и как можно дольше! Красивая, знающая, вежливая, с чертовски ясным умом... Все эти качества вместе так редко встречаются среди руководителей ее уровня! К тому же у нее был особый талант редактировать акты уголовной полиции. Когда она за это бралась, ей удавалось сделать документацию следствия защищенной и неприступной, создав при этом условия быстрой работы для магистратов.

Что касается Сабины, то она не сомневалась, что Джимонди останется еще надолго, отчасти чтобы не встречаться с женой, отчасти потому, что, когда такой мастино, как он, берет след, он уже ни о чем другом не думает.

И правда, в обеденное время она получила сообщение по вотсапу:

Китайянка оказалась мужчиной, самым что ни на есть итальянцем, его зовут Нардо. Насколько я понял, он делает массажи шиацу, или как их там... Иду домой, дальше у меня отмазаться не получится. До завтра, шеф!

3

Закрученная августовским водоворотом, царившим в любом учреждении, когда надо заменять сотрудников, ушедших в отпуск, когда каждый норовит увильнуть, и ты не знаешь, чем бы залатать дыры, Сабина на несколько дней утратила интерес к прослушке и попросила Джимонди и его помощника сообщать ей, только если возникнет что-нибудь очень срочное.

Когда Роберто отправился в отпуск, она сразу как-то сникла. Отсутствие любимого иссушало ее, и каждый день больно ранила мысль, что он сейчас где-нибудь прогуливается под ручку с женой, держа за руку одиннадцатилетнего сына. Мальчик чуть отставал в развитии, так, ничего серьезного, но это была одна из главных причин, почему Роберто так твердо стоял на позиции отцовской ответственности.

Он никогда не скрывал, что женат; в основе их отношений всегда лежала искренность. За месяцы, прошедшие со дня первого поцелуя, они очень сблизились, и Сабина боялась, что нашла того самого мужчину, которого искала с того дня, как почувствовала себя женщиной. Столько браков распадалось, и поэтому она не чувствовала за собой никакой вины, когда ей страстно хотелось, чтобы то же самое случилось с Роберто и Маддаленой, судьей Государственного совета. Шли месяцы, но, несмотря на растущую между ними

привязанность, гранитная прочность отношений обоих магистратов, сосредоточенных на мальчугане, которому не повезло, похоже, не дала ни одной трещины. Однако чего-то ей все-таки не хватало, чтобы «изменить» ему, хотя назвать изменой случайное легкое приключение не смог бы ни один мало-мальски мыслящий человек. Случаев было хоть отбавляй, но Сабина научилась сдерживаться. Таким своим поведением она очень гордилась, а постоянное внимание Роберто подпитывало эту гордость. Вне всяких сомнений, в любви он был настоящим, не то что все кавалеры ее подружек. Страх потерять этого человека был огромен и сравним разве что с огромным желанием владеть им безраздельно. Она понимала, что, узнай Роберто о каких-нибудь ее увлечениях, он исчезнет из ее жизни, как дым, унесенный ветром.

Если появятся какие-нибудь новости в деле супругов Брульи, Сабина должна будет сообщить об этом магистрату, но мысль звонить ему во время отпуска как-то не увлекала. Эти звонки станут очередным поводом для страданий, чего никогда не случалось, если Роберто был рядом. Она была благодарна, что технические средства связи не передавали вспышки эмоций, и с головой уходила в работу. Роберто же ограничивался парой ежедневных сообщений в ватсапе, с трудом скрывая замешательство.

Джимонди был не дурак; он сразу понял, в каком душевном состоянии пребывает начальница, и предоставил ей полную свободу бродить по ментальным лугам и болотам, од-

нако предупредив ее, что от судьи получено подтверждение безотлагательности проведения предварительных следственных действий.

Дней через десять Сабина, которую постоянно теребил Джимонди, уже не смогла больше ничего откладывать. Инспектор вежливо, но настойчиво желал знать, надо ли ему запрашивать продление работы технических служб. Сдав утром в архив законченные дела, она направилась в кабинет, который Джимонди делил еще с двумя коллегами по группе уголовной полиции, в основном занимавшейся более системными расследованиями.

Улыбаясь, Сабина вошла в кабинет и с удовольствием заметила, что сотрудники ей рады, а самый старший уступил ей свое место за столом. С ее появлением в кабинете воцарились покой и ясность, что довольно редко случается в таких заведениях.

– Джимонди, вот я и пришла. Извини за задержку, но, кроме всего прочего, мне в одиночку пришлось отвечать за общественный порядок в Риме, а может, и во всей области Лацио, как ты, наверно, заметил. Я просто разрываюсь на куски.

– Не переживайте, доктор, расслабьтесь. Здесь вы дома, среди друзей. А мы постараемся создать вам поменьше проблем и снабдить нужной информацией.

– Знаю, и очень вам за это благодарна. За такой дифирамб приглашаю вас выпить по чашечке кофе на воздухе, как

только освободитесь... Ну, так представь мне этого Нардо, массажиста шиацу!

Оба соседа Джимонди по кабинету заговорили хором:

– Он оператор шиацу и не только делает массаж, но и лечит!

Все расхохотались, и Сабина дала им отсмеяться. Когда с головой окунешься в чисто технические задачи, то зачастую общаешься с задержанными больше, чем с собственной семьей. И тогда голос обвиняемого, его акцент, его манера говорить и характерные «шуточки» становятся твоими.

Едва кончилось веселье, Джимонди протянул Сабине копию карты идентификации с припиской из Бальдиссеро Торинезе: «Вот ваша китаянка, она же Бернардо Баджо, по прозвищу Нардо, год рождения 1969, зарегистрирован в Риводоре, муниципальный округ Бальдиссеро Торинезе, Турин, но давно проживает в Риме, EUR, улица Винья Мурата, 320».

Сабина взяла карточку и внимательно взгляделась в человека на фотографии. Лет сорока, может, чуть моложе, лицо квадратное, ничем не примечательное, глубокие светлые глаза глядят решительно, волосы острижены по-военному. Однако всё в комплексе вызывает симпатию. Сабина отметила, что по гороскопу он Рак, и ей довольно часто в жизни встречались люди этого знака. Год рождения совпадает с годом Роберто, но тот не Рак, а Скорпион. От комментариев она пока воздержалась – обстановка к тому не располагала.

– Проблемы с законом были?

– Были. Лет пятнадцать назад на него поступило заявление, и ему дали восемь месяцев условно за то, что сейчас мы называем сталкингом. А тогда это называлось угрозами, побоями и так далее. Очевидно, они не ладили с бывшей женой Барбарой, и все потому, что она его ровесница и тоже родом из Турина. И всё, больше об этом светоче ума ничего накопать не удалось.

– В общем, не густо. А из телефона удалось выудить что-нибудь полезное?

– И да, и нет. Короче: никаких намеков на семейство Брульи, даже случайных.

– Вот радость-то...

– Это точно. Я еще проверил, есть ли у него машина. Есть. Сто пятьдесят девятый «Альфа Ромео»; на нем установлен видеореги­стратор, который подтверждает, что он ездил в Чивитавеккья по автостраде в ночь убийства. И местонахождение его телефона говорит о том же. Но, как вам известно, мы можем засечь только эсэмэски, у нас устаревшее оборудование. А звонков он сделал очень мало. Вероятно, всю пользуется либо ватсапом, либо похожими мессенджерами, потому что его номер постоянно занят.

– А особые привычки, график дня? Ну, чтобы понять, что он за человек.

– Из нашей информации можно заключить, что работает он на дому, по утрам принимает много пациентов и проводит процедуры шиацу, но никогда не мешает их с массажем. Ес-

ли же кто-то настаивает, это приводит его в бешенство... Вывод напрашивается сам собой: он не сбрасывает данные, подключаясь к вай-фаю, а кроме того, когда линия перегружена, отвечает с опозданием и на вызовы, и на сообщения. У него нет рекламы ни в интернете, ни на других обычных каналах, но имеется счет с НДС на разрешенную деятельность, в который он достаточно аккуратно вносит записи. Очень много ездит и декларирует порядочные суммы. Я произвел перекрестную проверку в торговой палате и в агентстве поступлений. Не исключено, что в своем густонаселенном районе он пользуется паролем, а значит, время от времени лечит на дому. А с вечера и до утра без отдыха мечется, как подорванный, пешком по всей столице. Кажется, что он вообще не спит. Впечатляющая картина...

– Я бы, наоборот, только и спала... Ну ладно. Что еще интересного?

– Интересного полно. Прежде всего, во многих своих контактах он пользуется каким-то странным кодом. Все время говорит о «цвете поля», о «яблоке, падающем на землю», или ввинчивает еще какие-нибудь метафоры, которые вне контекста понять невозможно. Они похожи на фразы, которые используют при общении наркодилеры, чтобы не говорить о наркотиках по телефону, но здесь, очевидно, речь идет о другом. Что же касается вызовов, то один я сейчас дам тебе прослушать. Он был сделан вчера вечером. Все они похожи друг на друга, но этот отличается. Надевай наушники.

Сабина надела наушники Джимонди, которые настолько пропахли табаком, что можно было задохнуться, задержала дыхание и сделала знак Джимонди, чтобы включал. В наушниках что-то затрещало, потом послышался уличный шум и голоса, как будто звонили с улицы или из какого-нибудь кафе. Женский голос, ожидая ответа, шептал:

– Ну, давай, ну, возьми трубку!..

После нескольких гудков мужской голос ответил:

– Привет, Джорджия, что-нибудь случилось?

– Да, он здесь, он меня преследует, Нардо!

– Ты где?

– Я на работе, на пьядца Ре ди Рома. Ты придешь?

– Я уже здесь, успокойся. Скажи точнее, где ты.

– Ой, слава богу! Я вышла из мороженицы, стою рядом с обувным магазином. Он напротив меня, в сквере рядом с метро. Смотрит на меня и улыбается, гад такой...

– Я тебя увидел, и его тоже вижу. Войди в магазин, заговори с кем-нибудь из продавцов и делай вид, что ничего не происходит. Держись спокойно.

– Мне страшно, Нардо!

– Не надо бояться. Я все беру на себя.

– Спасибо, спасибо тебе...

– Да не за что. Напиши мне потом по ватсапу.

Ничего не говоря, Джимонди включил еще пару записей, сделанных накануне. Все они походили друг на друга: это были диалоги в тревожных ситуациях, во время стресса или в

опасности. Напуганным женщинам отвечал спокойный, как статуя, Нардо, успокаивал их и обещал быстро избавить от страха.

Сабина положила наушники на стол и задумалась. Джимонди какое-то время ей не мешал, потом продолжил:

– Эсэмэсок было немного, по большей части их отправляли женщины, и почти всегда он просил их потом написать ему в ватсапе или в «Телеграме».

– Похоже, наш друг не хочет, чтобы его засекли.

– Или хочет сэкономить... Кто сейчас больше пользуется эсэмэсками?

– Моя мама. И мать бедняги Гайи, к примеру.

– То есть старшее поколение.

– Ну да. И все-таки все это очень странно... Ты просмотрел контакты?

– Браво, доктор, вы сразу ухватили самую суть. Конечно же, просмотрел – вернее, мы вместе с ребятами просмотрели, потому что работы было немерено. Табуляграммы за месяц до начала прослушки да еще номера разных служб, механика и тому подобные, звонки, чтобы уточнить время лечебного сеанса... В общем, наш приятель за тридцать дней более или менее часто перезванивался с парой сотен женщин.

– Вот черт! Представляю, как ему завидуют...

Джимонди ухмыльнулся, а следом за ним – остальные.

– И вы всех прозондировали?

– Ну, почти всех. И результаты, надо сказать, тревожные.

– Выкладывай!

– Все женщины возраста от двадцати до пятидесяти. В большинстве случаев звонили очень часто, в любое время дня и ночи. По сотам можно определить, что в период самого большого наплыва пациенток Нардо и эти женщины часто встречались. Он колесил по всему Риму и окрестностям, а чаще всего – в районе своего дома.

– Интересно... А главный сценический эффект ты прибегаешь для финала, Джимонди?

– Ну, вы же меня знаете, мой прекрасный доктор.

– Можешь сказать во всеуслышание. Валяй, я готова.

– Эти девушки, все без исключения, подали заявления как жертвы недавних и очень жестоких преследований.

– О, санта Клеопатра!

* * *

Сабина решила не передавать Роберто эту новость. Дело приняло неожиданный и очень интересный оборот, но этот виток в расследовании уводил далеко от уже принятой гипотезы преступления, ради которой запрашивали разрешение на прослушку. В следующие дни она ограничивалась короткими ответами на его сообщения с Балеарских островов, регулярными, но довольно холодными, и старалась не входить в рабочие подробности. После почти двух недель отсутствия Роберто нехватка физического контакта с ним, а прежде все-

го эмоциональной поддержки начинала ее тяготить, но она старалась не подавать виду ни ему, ни всем остальным. Сабина касалась этой темы только с Кармен, офицером карабинеров, когда обе выходили в мороженицу или выпить чего-нибудь. Кармен была женщина приятная, дружелюбная, не исключено, что лесбиянка. Ее общество, несомненно, приносило пользу, ибо разделить с кем-нибудь свои секреты помогает, хотя и ничего не решает. Они должны были увидеться через несколько дней, и Сабина не могла дождаться этой встречи.

Чтобы придать надлежащий вид делу, порученному прокуратурой, она попросила Джимонди параллельно ходу расследования организовать слежку за подозреваемым, надеясь, что новых разрешений запрашивать не придется и дело можно будет закрыть.

Эта надежда рухнула, с оглушительным грохотом разбившись о землю, как раз в последний день, когда можно было подать еще один запрос на телефонную прослушку. Виной всему был странный случай, произошедший почти в то же самое время и очертивший контуры настоящего кошмара, апокалипсиса, который трудно себе представить даже холодному рассудку, при всем пессимизме и негативном взгляде на вещи, которые Сабине удалось собрать воедино.

Около семи утра ее поднял с постели звонок Джимонди, известного «жаворонка», который сообщил, что нарыв наконец лопнул, причем лопнул на редкость болезненно. Мест-

ные, да и некоторые национальные газеты вышли с броскими заголовками на первых страницах о «Детективе в Париоли», выдвигая гипотезы одна невероятнее другой: и о таинственных серийных убийцах, и о том, что следователи намеренно всё замалчивают, чтобы не тревожить население. Они пронюхали о пропавшей гильзе, о том, что у супругов уже были прецеденты со stalkingом, об отпуске в Хорватии, об автофургоне, о том, что заместитель прокурора дважды заходил к жертвам в дом. Помимо этого, появилось множество самых невероятных сведений, щедро напичканных подробностями.

Сам комиссар полиции позвонил из Южной Америки, где проводил отпуск, причем его звонок опередил звонок Джимонди. Звонок был вежливый и тактичный, но Сабина почувствовала, что ее обвиняют: прежде всего, в утечке информации, и еще в том, что до сих пор не найдено доказательство отсутствия состава преступления. Что-то ведь надо бросить в лицо журналистам, которым любой ценой нужна сенсация. Она срочно информировала высокое начальство о неожиданном повороте дела, связанном с Нардо Баджо, хотя бы для того, чтобы комиссар осознал объем проделанной работы. Но его это, видимо, не впечатлило, и он быстро свернул разговор, пожелав ей успехов в работе и скорейшего разрешения неприятных инцидентов с прессой, которые, естественно, бросали тень на деятельность полиции всей столицы.

Не обращая внимания на звонки доктора Мильорини, на-

чальника мобильной бригады, наверняка уже готового взять ситуацию под личный контроль, чтобы потом посылать ей очередные фантазмагорические указания, Сабина принялась просматривать непрочитанные сообщения в ватсапе. Она сидела в туалете на единственном сиделище и писала, а у ног терся кот. Ей хотелось найти хоть весточку от Роберто, чтобы стало чуть полегче. Конечно, надо будет позвонить ему чуть погодя, в надежде, что этот разговор сможет рассеять тоску перед грядущими неприятностями, как часто случалось в прошлом.

Долгожданное письмо нашлось, и она с надеждой принялась читать:

Сабина, я считаю, что настал момент сказать тебе одну вещь. Думаю, неправильно скрывать это дальше. Маддалена беременна. Мы пока не знаем пол ребенка, еще рано. Мне очень жаль, но давай поговорим об этом, когда я вернусь, осталось всего несколько дней. Знай, что я все время думаю о тебе, я рядом с тобой. Твой Р.

Тошнота. Головокружение, гнев, отчаяние... Не может быть!.. Снова тошнота.

Рвота.

Уничтоженная, сломленная, оглушенная, выблевав всю желчь в унитаз, Сабина появилась в офисе без всякой косметики, надеясь, что коллеги, увидев ее, не схватятся за стоящий в приемной дефибриллятор, чтобы вернуть ее в мир

живых. Однако по глазам Джимонди она поняла, что новости не кончились и что ее психоэмоциональное состояние быстро отойдет на второй план. В некотором смысле все это принесло ей даже видимость облегчения.

– Здравствуйте, доктор. У вас был с кем-то боксерский поединок и вы проиграли?

– Ага. Нокаут в первом раунде... Ну и черт с ним. Какую еще скверную новость ты мне приготовил?

– Нардо Баджо едет сюда с адвокатом, чтобы дать свидетельские показания.

Сабине вдруг стало легче – точнее, согласно теории доминантной боли, известие отвлекло ее внимание.

– Что? А зачем? А самое главное, откуда ты это узнал?

– Он сам сообщил мне на автоответчик, мы только что прослушали запись. Сегодня рано утром он, как и все, просмотрел газеты, позвонил своему адвокату и назначил ему встречу в комиссариате в восемь утра. Невиданное дело, доктор, я просто не знаю, что сказать...

– О господи, уже восемь без пяти!

– Доктор, ну вы же знаете, *что* надо сделать, и сделать быстро. Если доктор Плачидо вам не ответит, звоните дежурному магистрату и запрашивайте инструкции. Если мы тут проявим собственную инициативу, нарвемся на неприятности.

– Боже, ну и денек, Джимонди... Ну и денек!

Роберто ответил после долгих гудков притворно спокойным голосом. Сабина надеялась, что телефон будет выключен, но доктор Плачидо был слишком серьезным профессионалом, чтобы в отпуске забыть о своих обязанностях, тем более относящихся к работе.

– Доброе утро, доктор Монделло. Я так полагаю, что у нас есть новости по делу Брульи?

Голос у Роберто был бодрый и деловой, но при появлении номера Сабины на дисплее он никогда не умел сделать вид, что ничего не случилось. Судя по голосу, ему не удалось отойти от жены подальше. А имея рядом Маддалену, тоже магистрата, Роберто уже не мог отговориться служебной тайной, чтобы избавить ее от разговоров о работе. К тому же он, вероятно, боялся, что Сабина заведет речь о содержании утреннего сообщения.

– Доброе утро. Прошу прощения, что тревожу вас во время отпуска с семьей, но мне очень нужны неотложные указания по текущему делу.

– Видимо, указания, которые дежурный коллега дать не может?

– Нет, доктор, нет!

– Ну, тогда я вас слушаю.

Сабина и сама удивилась, насколько точно, исчерпываю-

ще, а главное, хладнокровно все изложила. Как только Роберто понял истинную причину звонка, он тут же переключился на рабочий лад и дал указания, пунктуальные и точные, как всегда. Сабина услышала в трубке чьи-то шаги, которые постепенно удалялись. Видимо, Роберто удалось отослать жену и сына. Когда деловая тема была исчерпана, он понизил голос и заговорил с чисто отеческими интонациями, словно хотел ее утешить. И в эту минуту впервые предстал перед возлюбленной жалким идиотом.

– Как ты, Сабина?

– Прекрасно, спасибо, доктор. А как вы? Как ваша *большая* семья?

Она ненавидела себя за то, что под конец не смогла удержаться от колкости, но такая смена тона снова погрузила ее в болота эмоций, из которых она с трудом пыталась выплыть с той минуты, когда прочла проклятое сообщение.

Роберто не ответил. Сабина сжалась и коротко отрезала:

– Если у вас всё, доктор, то я прощаюсь и бегу выполнять ваши блистательные указания.

– У меня всё. Удачи тебе, и держи меня, пожалуйста, в курсе. В курсе всего...

Сабина отсоединилась, не прощаясь, и сразу позвала Джимонди, может быть, слишком громко:

– Джимонди! Мы должны выслушать этого Нардо. Мы с тобой. Таково распоряжение доктора Плачидо. Приготовься.

– Да я всегда готов, доктор, и наш друг уже в приемной.

4

Все прождали почти три четверти часа, прежде чем удалось принять нежданного визитера. Строго говоря, им пришлось притвориться, что они понятия не имеют, зачем он здесь. Поэтому его оставили дожидаться своей очереди, а те, кто должен был его встретить, обращались к нему, как к совершенно незнакомому человеку. В результате его заставили несколько раз объяснять разным сотрудникам, почему он здесь оказался. А коллеги, соответствующим образом проинструктированные, делали вид, что ничего не понимают.

Между тем Сабина внимательно следила за всей сценой через видеокамеру, установленную в приемной. Кадр выглядел чуть-чуть размытым, но на нем ясно был виден мужчина средних лет, в хорошей спортивной форме, а рядом с ним – девушка намного моложе его, к которой он, похоже, имел особое доверие.

Заставив их немного поскучать в приемной, Сабина велела быстро познакомить ее с техникой, поскольку собиралась вести тонкую игру с противником, у которого на руках очень сильная карта, и ей надо было воспользоваться всеми преимуществами своей позиции. Джимонди, как всегда, точно и безупречно ввел ее в курс дела, она максимально сосредоточилась, и это помогло ей хотя бы на время отодвинуть в сторону мысли о жестокости.

– Ну, а в целом, Джимонди, как помогает этот Нардо женщинам, которых кто-то преследует?

– Тут в ход идет уже не массаж, а лечение.

– Господи, тоска какая... Ну ладно, лечение так лечение, но ты ответь!

– Он помогает им так, как должны бы помогать мы, да только у нас не получается, мой милый доктор...

– То есть?

– Много с ними возится, охраняет их, выслушивает, дает советы. Они становятся его подругами, и он обеспечивает им моральную поддержку, а если надо, то и физическую.

– В каком смысле?

– Насколько нам удалось понаблюдать, во всех... Но то, что нас интересует, больше относится, скажем так, к импульсу попадания.

– Слушай, не темни, говори яснее.

– Спокойнее, доктор, спокойнее – и Джимонди, как всегда, вам все объяснит.

– Ты прав, извини... что-то меня занесло. Продолжай.

– Мы обнаружили некоторые совпадения в звонках, как бы это сказать... наиболее «динамичных»...

– В тех, где речь явно идет о прямой опасности?

– Именно. Помните звонок с пьядца Ре ди Рома? Мы выяснили, что служба «один-один-восемь» приехала через двадцать минут после звонка, потому что бывший муж звонившей Нардо женщины «упал с лестницы» в метро и сломал

себе тазовую и бедренную кости.

– О боже! Это Нардо?

– Нет, судя по рассказу самого пострадавшего, который передали санитары. Он действительно упал...

– И мы ему поверим?

– На первый раз – да. На второй – может быть. Но когда возникают и третий, и четвертый – верим всё меньше.

– А еще такие эпизоды случались?

– Нет, и в этом плюс. Фактов много, но все сильно отличаются друг от друга. Скажем так, писавший этот роман обладает чрезмерной фантазией.

– Да говори же ты понятнее; слушать тебя – одно горе...

– Помните торговый центр «Ананьина», где находится «ИКЕА»?

Сабина быстро кивнула.

– Некий «сталкер», реальный или предполагаемый, скажем так, адресат заявления о преследовании, через несколько минут после телефонного разговора Нардо с его бывшей женой заявил, что его похитили и избили двое неизвестных, возможно, иммигранты. Описать их он толком не смог. Они быстро скрылись в закоулках южных районов города и, что примечательно, ничего не украли. Заявление приняли карабинеры Гроттаферраты. Еще один случай. Как раз вчера, в районе Прати, когда Нардо сопровождал чью-то бывшую невесту, попросившую о помощи, кто-то увидел, как он поджигает припаркованную неподалеку машину. Подоспевшим

полицейским Нардо заявил, что это было самовозгорание, и клялся, что машина неисправна. У него был подбит глаз и сломаны два пальца, но он утверждал, что поранился, когда упал, испугавшись пожара. И вот увидите, всплывут и еще случаи...

– Но нам удастся доказать, что поджег именно он?

– Можно, конечно, попытаться, но это будет адова работа. Этот Нардо – тот еще прохиндей, доктор. И потом, сказать по правде, методы у него необычные, но ведь работают, верно? Я говорил со многими знающими коллегами: после таких фактов случаи жестокого преследования немедленно прекратились.

– Но кто он? Бэтмен для жертв преследований?

– Похоже на то.

– В таком случае пришло время позвать его; мне не терпится с ним познакомиться. Тем не менее мы должны говорить с ним только о супругах Брульи – об остальном мы ничего не знаем, договорились?

– Само собой. Ну что, доктор, справитесь?

Поначалу Сабина рассердилась, но потом успокоилась: ведь Джимонди всегда очень тепло к ней относился. Он был не дурак и кое-что наверняка замечал.

– Справлюсь? Да я его проглочу, как легкий аперитив.

– О! Вот это мне нравится, командир! Тогда я велю пригласить его ко мне, в мой бардак. Не надо давать ему повод подумать, что его принимают с особыми почестями. Верно?

– Точно. Ты его измотаешь, а потом приду я – и добыю.

– Согласен. Будет нам чем поразвлечься.

Сабина быстро зашла в свою личную туалетную комнату, где держала косметику для непредвиденных случаев, протерла лицо увлажняющим гелем, нанесла на него мягкий тональный крем «Диор бэкстейдж» нежно-розового цвета, подвела глаза и тронула губы помадой «Героиня», которой пользовалась постоянно. Довольная результатом и гордая быстротой перевоплощения, она вошла в кабинет, включила компьютер, чтобы просмотреть почту, и собралась уже подписать документы разной степени бесполезности, которые ей каждое утро клали на стол. Надо было обязательно сделать вид, что она с головой погружена в ежедневную рутинную работу. Однако известие с Балеарских островов никуда не делось и взяло верх над безмятежным настроением. И как раз в этот момент ее выбил из колеи очередной сценический эффект. В кабинет без стука вошел Джимонди.

– Доктор, у нас новость. Только что принесли мобильник Карло Брульи с карточкой техосмотра. Он разблокирован и готов к анализу.

– Вот это исполнительность! Слушай, надо на него хоть взглянуть, прежде чем выслушать Баджо...

– Я думаю, надо, но Баджо и так слишком долго ждет, как бы не ушел... Давайте я приведу его сюда? Вы единственная, кто в курсе расследования, кроме меня и моих ребят. Сосредоточьтесь, подготовьте протокол, а я за десять минут с по-

мощью ребят разберусь с телефоном и приду вам на помощь. Ну что, идет? Договорились?

Сабина не любила, когда ее способности ставили под сомнение, и не позволяла такого даже самым преданным сотрудникам, а уж особенно два раза подряд за несколько минут. Она и так была на взводе, а тут просто вышла из себя, что случилось с ней довольно редко:

– Джимонди, сделай одолжение, перестань все время переспрашивать меня, договорились мы или нет. В этом кабинете я определяю и я договариваюсь. Тебе ясно? Веди сюда этого парня и посмотри, что там в телефоне. Как будешь готов, вежливо попроси меня на минуточку, доложи, что удалось с телефоном, и закончим допрос вместе. Давай, действуй!

Джимонди принял удар с достоинством, которое формируется только после нескольких лет общения с начальством.

– Слушаюсь, командир. И примите мои комплименты вашей губной помаде.

Все еще взъерошенная собственной отповедью, Сабина постояла немного, глядя прямо перед собой и не решаясь что-либо предпринять. К горлу снова подступила тошнота. Но тут, к счастью, в дверь просунулась голова незнакомца:

– Можно?

Сабина встряхнулась и ответила:

– Да, заходите, пожалуйста.

На вид незнакомец оказался вовсе не таким, как она его

представляла, глядя на старую фотографию с карты идентификации. Он вошел проворным шагом атлета – и на самом деле был в великолепной форме. Не слишком высокий, около метра семидесяти, а может, и чуть ниже, он компенсировал это прекрасным тонусом. Мускулистые ноги, живот как гранит, мощная грудь и ни капли жира. На нем была дорогая голубая рубашка с закатанными до локтя рукавами. Прекрасно вылепленные предплечья поросли густыми волосами, такую же растительность открывали две расстегнутые на груди пуговицы. Отлично выглаженные полотняные брюки цвета хаки, кожаный пояс цвета бордо и синие спортивные туфли «Тимберленд». Такой наряд Сабина автоматически оценила как великолепный. Он отличался простотой, удобством и хорошим вкусом.

Человек посмотрел на Сабину и шагнул вперед, протягивая руку:

– Здравствуйте, доктор. Бернардо Баджо, для всех Нардо. Очень приятно.

Она чуть приподнялась и, слегка улыбнувшись, позволила до хруста сжать себе руку. И тут же почувствовала, что летит в бездну глаз, светящихся перед ней, как два серо-голубых фонаря. Они напоминали глаза филина, которого Сабина однажды увидела ночью в лесу, когда была еще маленькой. С тех пор она ни разу больше не встречала этот взгляд ночного хищника, но забыть его не могла. Это был взгляд похитителя душ.

Ухоженная, но слишком длинная, как у священника, борода с проседью придавала ему известное очарование. Тщательно причесанные волосы лежали красиво и аккуратно. И вообще, весь его вид говорил о строгой воздержанности, твердости и гармонии с собой.

Нардо уселся на стул слева, но не раньше, чем помог удобно усесться кукле Барби лет тридцати – видимо, своему адвокату. Такие симпатичные адвокаты еще не появлялись в этих стенах. В другое время Сабина придирчиво оглядела бы ее с головы до пят. Но сейчас, хотя и заметила ее умопомрачительный костюм и туфли, идеально подходящие к поясу, сумочке и губной помаде, не могла оторвать глаз от ее спутника. А тот, удобно устроившись на стуле, вежливо кивнул адвокатессе и снова с легкой улыбкой воззрился на Сабину.

И она вдруг почувствовала себя свободной и безмятежной. Несмотря на нервозность и запутанность ситуации и на начало дня, мягко говоря, не самое мирное, одного присутствия этого человека было достаточно, чтобы вселить в нее уверенность и покой. До ее ноздрей долетел терпкий аромат духов, настоянных на тимьяне знающим свое дело мастером. Этот запах, мужской и в то же время деликатный, прекрасно подходил источавшему его человеку.

Вместе с запахом Сабина вобрала в себя кристально чистую энергию Нардо Баджо – и в ту же секунду поняла, почему он становился «другом» всем этим женщинам. Он был природным магнитом, рядом с которым она чувствовала се-

бя кусочком железа. И дело было не в физической привлекательности – наоборот, такой тип мужчин ей не нравился. Сабина очень доверяла теориям энергетических потоков и ауры человека и теперь поняла, что это ощущение имеет гораздо более глубокие корни, поскольку перед ней оказалось живое воплощение всего, чему она посвятила много часов, читая о притягательных материях тонкого мира.

Все эти эмоции ее напугали, и она решила провести маленький эксперимент, вызвав в памяти боль, которую причинило ей письмо Роберто. Обида еще не улеглась и в следующие дни будет грызть и скрестись, пока не докопается до самой души, и Сабина это знала. Но произошло невероятное: ей без малейшего труда удалось прогнать обиду. Просто в этот миг стремление ближе приглядеться к Нардо заслонило все остальное.

Барби позаботилась о том, чтобы прервать эту магию, и заговорила пронзительным и визгливым голосом:

– Добрый день, доктор. Я адвокат Римского трибунала Ребекка Фонтана-Машюлли. Мой клиент хотел бы дать разъяснения по делу супругов Брульи, и я его советник.

«Двойная фамилия⁸, – подумала Сабина. – Судя по прикиду, чего-то подобного следовало ожидать». Она уклончиво махнула рукой и быстро взглянула на зажужжавший телефон: это было послание от Джимонди.

Сделав вид, что ее это мало интересует, Сабина начала

⁸ Двойная фамилия – признак аристократического происхождения.

читать:

Доктор, адвокатесса, сидящая перед вами, – одна из «клиенток» Нардо. Они довольно часто перезваниваются; думаю, дело касается «лечебных процедур», поскольку он ездит к ней. Стоит ли говорить, что пару лет назад она подала заявление о преследованиях со стороны бывшего любовника, а через несколько недель забрала его. Сейчас мы начали изучать телефон Карло. Я буду высылать вам сведения по мере их поступления, всегда по и-мейлу. Если понадобится, звоните мне по внутреннему телефону, и я сразу приду.

«Бьюсь об заклад, что эти двое спят вместе», – подумала Сабина. Не то чтобы ей это было неприятно, с чего бы вдруг? Конечно, лучше б это был обычный адвокат с «Ро-лексом», смартфоном на две симки и в туфлях на шпильках. Она послала Джимонди свой «ок» и снова сосредоточилась на собеседниках. Голова была ясная и светлая, все сомнения и неуверенность улетучились.

– Итак, синьор Баджо, должна вам сразу сказать, что обычно я такими вещами не занимаюсь, но, как вы, видимо, догадываетесь, сегодняшний день не совсем обычен.

Баджо серьезно ответил:

– Однако я полагаю, что доктор Плачидо хотел, чтобы меня выслушали именно вы, и он мне это гарантировал. Может быть, я не так понял?

Наступило молчание. По всей видимости, комедия уже

окончена, и у нее теперь не осталось никаких преимуществ в борьбе с новым неприятелем. Она припомнила, что имя магистрата действительно фигурировало в статье, но у нее все равно возникло ощущение, что собеседник почему-то знает ее давно, очень давно...

Сабина попыталась сделать хорошую мину при плохой игре, дистанцируясь от него:

– Позвольте мне руководить следствием, и, если я могу чем-то помочь, то скажите, чем именно. У меня очень много дел, и мне хотелось бы освободиться поскорее.

Нардо снисходительно, без всякой злобы улыбнулся, и это, насколько возможно, увеличило обаяние, которое он излучал. А Барби, наоборот, снова совершила рискованный бросок:

– Доктор Монделло, вы здесь не единственная, у кого много дел.

Сабина надеялась избежать перебранки, а потому нарочито громко выдохнула и попыталась вывернуться из ситуации:

– В таком случае давайте бережно отнесемся к своим делам. Скажите, пожалуйста, если вас не затруднит, почему сеньор Баджо ощутил потребность в сопровождении адвоката. Это, по меньшей мере, любопытно.

Блондинка-адвокатша, задетая за живое, уже приготовилась парировать, но подопечный вежливым жестом остановил ее. Она задержала дыхание, заупрямилась, но потом подчинилась. Нардо улыбнулся и так задушевно подмигнул ей,

что она сразу зарделась. Сабине это порядком не понравилось, и ее вдруг охватило отвращение, идущее откуда-то изнутри, из необследованных глубин сознания.

И тут Нардо произнес спич. И, насколько позволяли его внешность и дурная слава, несколькими фразами разрядил напряжение:

– Доктор Монделло, позвольте мне все объяснить. Но прежде всего еще раз поблагодарить вас за то, что приняли нас лично, без предварительной договоренности. Я явился, чтобы оказать помощь, если смогу. Я вовсе не хочу создавать проблем; напротив, если это возможно, хотел бы посодействовать их разрешению. Сегодня утром я просмотрел газеты и теперь думаю, что был одним из последних, кто имел контакты с супругами Брульи. Впрочем, я их достаточно хорошо знал. До сегодняшнего дня меня никто не вызывал, хотя вы, несомненно, проверите все наши телефонные контакты. Но я здесь по собственной инициативе, чтобы сэкономить всем время.

Голос у него был какого-то необычного тембра. Сквозь густой, явно мужской тенор прорывались высокие нотки, и причиной тому была мешанина из разных говоров, которые нелегко было распознать, настолько они вклинивались друг в друга. Основу составлял пьемонтский выговор, чуть подпорченный вкраплениями южных диалектов. Но поскольку Баджо долго прожил в Риме, к этому примешался еще и отзвук немелодичного романского. Манера говорить у него бы-

ла решительная, уверенная и до жути невозмутимая. Слушая его, Сабина поймала себя на ощущении, что наслаждается густым имбирным чаем, в котором растворен мед.

Отметив стремление Нардо обойти все острые углы, она согласно кивнула и отважилась на вопрос, который не могла не задать, учитывая, что твердо решила держаться намеченного распределения ролей:

– Благодарю вас за уточнение, синьор Баджо. Но это не объясняет присутствие здесь вашего адвоката...

– Ребекка подпишет протокол, если вы сочтете мою информацию важной и если мы этот протокол, разумеется, составим. Таким образом, данный документ будет годен к использованию, каков бы ни был мой статус.

Сабина кивнула. Каким образом задать следующий вопрос, она не знала, но Нардо вывел ее из затруднения:

– Если вы собираетесь спросить, помню ли я, что в этом деле являюсь подозреваемым, то мой ответ: да, помню. А стало быть, поправьте меня, если я ошибаюсь: каждое мое заявление будет считаться недействительным, если все страницы не подпишет мой адвокат. Возможно, при таком раскладе вы почувствуете себя не в состоянии спросить, откуда у меня такое чутье, а я, из стремления всегда быть первым, сам вам откровенно отвечу на этот вопрос.

Сабина миг лишилась своих позиций. То преимущество, на которое она рассчитывала благодаря расследованию, пришлось срочно аннулировать, а то, которым она обладала бла-

годаря своему профессионализму, еще не выступило на сцену. Если б не способность собеседника излучать спокойствие, как магическое дерево источает нежный аромат, она давно сбежала бы под каким-нибудь предлогом или злоупотребила бы своим служебным положением, что иногда помогает. Но она ограничилась тем, что сдержанно кивнула, сделав вид, что ей все равно. А Нардо, словно ни в чем не бывало, продолжил, улыбаясь, как хитрый мальчишка:

– Тот серый «Пунто», что сейчас припаркован внизу и появлялся на фото в газете, сделанном в день преступления, уже дня три-четыре дежурит возле моего дома, словно по расписанию. Я сложил два и два...

В других обстоятельствах Сабина расплакалась бы, увидев, как у нее на глазах взрывается несущая конструкция системы, которой она отдала свою молодость. Но этот чертов Нардо умудрился разрушить старый театральный прием «хороший полицейский – плохой полицейский» с такой невозмутимостью и знанием дела, что она не выдержала и прыснула. Нардо тут же отозвался звонким, энергичным смехом, а адвокатесса наморщила носик и скорчила гримасу, сразу выдавшую плохо скрытую ревность.

Когда все успокоились, Сабина краем глаза просмотрела сообщение от Джимонди, где он предупреждал, что Нардо с номера «китайки» писал Карло в ватсапе в день трагедии ближе к вечеру и предлагал сеанс терапии на дому, на что тот с радостью согласился. Сабина быстро ответила и велела

своей группе продолжать анализ. При этом, однако, не написала им, что наружку они организовали хуже некуда, на уровне глупых дилетантов, хотя это сильно ее задело. Потом скажет, когда придет время.

Теперь доктор Монделло серьезно взглянула на своего собеседника:

– Синьор Баджо, я полагаю, что ваш визит был более чем кстати. Если вы не возражаете, я составлю протокол устного опроса по всем правилам и со всеми гарантиями протокола допроса свидетеля. Я вынуждена напомнить вам, что вы не обязаны отвечать на все поставленные вопросы. Если вы согласны, то можете говорить свободно, я очень быстро печатаю, вот увидите. Согласны? А вы, госпожа адвокат?

Оба с довольным видом кивнули. При заполнении графы «предварительные сведения» мужчина представился как Бернардо Чезаре Баджо, родившийся в Турине в 1969 году, разведенный, по профессии «специалист по холистической медицине». Он подтвердил, что зарегистрирован в Пьемонте, где провел детство и юность, а сейчас проживает в Риме на улице Винья Мурата, где у него профессиональная студия. После этого ему дали слово, и он начал:

– Итак, доктор Монделло, я не знаю, какие сведения есть у вас на мой счет, но я скажу всё – потому что, во-первых, секретов у меня нет, а во-вторых, не хотелось бы тратить время на всяческие инсценировки. Хорошо?

Сабина ограничилась согласным кивком.

– Я познакомился с супругами Брульи пару лет назад. Если нужно, могу потом уточнить дату. Сначала я лечил на дому женщину с применением шиацу, потом познакомился с ее мужем, и он тоже стал моим клиентом. У них тогда была черная полоса, они разводились, и я в какой-то мере протянул им руку, дабы успокоить их и сделать все возможное, чтобы развод не состоялся. Я остался другом для Гайи, и большим другом, но потом мы стали видеться все реже. За день до страшной выходки Карло я был в Париоли и, как обычно, пригласил их встретиться, выпить чего-нибудь вместе и провести сеанс лечения, если им будет нужно. Сначала я написал Карло, но он сказал, что выходные проведет дома. У него болела шея: застарелая проблема. Тогда мы созвонились, я приехал к ним и примерно час занимался лечением Карло. Когда я работаю, особенно с друзьями, то редко смотрю на часы. Он предложил мне выпить, а я спросил его про Гайю, которая еще не вернулась с работы. На другой день они должны были уезжать в отпуск в «доме на колесах», а поскольку мы давно не виделись, я написал ей, не выпьет ли она со мной после спортзала. Я знал, что спортзал Гайя не пропустит ни за что. Она согласилась, а Карло устал после сеанса: я делал ему глубокий массаж, помня, что ему предстоит много часов провести за рулем. Он сказал, что лучше пойдет спать. Я попрощался с ним, потом встретился еще с парой знакомых в этом районе. Если понадобится, я дам их координаты, и они это подтвердят. Потом я встретился с

Гайей, и мы пошли пешком на улицу Королевы Маргариты поесть суши. Вы успеваете записывать?

Сабина вспомнила, что в акте вскрытия упоминалась сырая рыба, найденная в желудке Гайи, но ничего не сказала.

– Да, продолжайте, пожалуйста. Если я не смотрю на вас, то только потому, что пишу. А название ресторана не припомните?

– К сожалению, нет. Но помню расположение: если идти по направлению к Пиперу от перекрестка с бульваром Романия, он находится слева. Если хотите, то, выходя – если вы меня не арестуете, – я дойду до него, посмотрю и сообщу вам.

Сабина улыбнулась и ответила весело, чего никак не ожидала от себя в такой трудный день:

– Полагаю, вы уйдете отсюда на своих ногах, синьор Баджо; более того, я в этом уверена. Вам нет нужды вспоминать название – если понадобится, мы найдем ресторан. Продолжайте, пожалуйста...

– Хорошо. После ужина Гайя попрощалась со мной и отправилась домой, а я немного задержался поболтать с хозяином заведения и с несколькими посетителями, которых знал в лицо. А потом поехал в EUR. С этого момента и дальше не смогу сообщить вам ничего полезного.

Сабина печатала очень быстро. Не отрывая взгляда от экрана и не останавливаясь, она спросила:

– Вы помните хотя бы приблизительно, в котором часу

расстались?

– Я этого и не сказал, потому что не помню. С пистолетом у виска, наверное, сказал бы, что около десяти вечера, но могу ошибиться. Не надо никого посылать проверять видеокамеры: в этом заведении их просто нет.

Сабина оторвалась от клавиатуры и посмотрела на Нардо.

– Простите, а откуда вы это знаете?

– Я шапочно знаком с хозяином и спросил у него сегодня утром, по дороге сюда, поскольку подумал, что вы зададите этот вопрос. Если хотите, можете проверить, но камер у них нет. В ближайшем табачном киоске есть, но, по моему опыту, поверх этих записей могли уже записать другие: слишком много времени прошло.

Такое вмешательство в зону ее компетенции всегда сильно раздражало Сабину, и она могла сорваться, как совсем недавно с Джимонди. Но Нардо был настолько солиден и точен, настолько уверен в себе и в то же время уважителен, что ей не хватило сил поставить его на место, как она поступила бы с любым другим.

– Синьор Баджо, благодарю вас за уточнения, но уж позвольте нам самим заняться проверкой данных. Разумеется, я говорю это только в вашу пользу.

– Я тоже благодарю вас за любезность. Прошу прощения, доктор.

«Любезность, слово-то какое... непривычное и благородное», – подумала Сабина, пообещав себе освежить его в па-

мяти и включить в свой словарь.

В этот момент прозвучал знакомый короткий сигнал: пришло очередное сообщение от Джимонди:

Телефон Карло Брульи битком набит рискованными фотографиями. Они все в галерее, значит, их сделал он сам. На них изображены половые акты в самых невероятных позициях, в любое время дня и ночи. Лица женщины никогда не видно, но по телосложению и по татуировке на плече, которая появляется всякий раз, я сказал бы, что это его жена. Эти ребята вытворяют черт-те что, без всяких границ...

Сабину слегка передернуло, когда она вспомнила, что у Роберто была та же привычка снимать на телефон некоторые интимные моменты. Отвращение от воспоминания смягчила симпатия к Гайе, у которой было с ней гораздо больше общего, чем казалось вначале. Она продолжила разговор:

– А теперь, синьор Баджо, поскольку вы разговаривали с супругами Брульи за два часа до их гибели, может быть, вы догадываетесь о вероятных мотивах, которые могли бы оправдать такую жестокость?

– Ну конечно, несомненно.

Сабина и Ребекка обе подались вперед и даже продвинулись к краешкам стульев. А Нардо, наоборот, казалось, полностью расслабился. Выждав несколько секунд, чтобы увеличить напряжение, он продолжал:

– Когда-то давно у Гайи был роман с другим.

Снова наступила тишина. Все молчали слишком долго, и, чтобы комната не вспыхнула от той атмосферы, что он искусственно нагнал, Нардо с достоинством произнес:

– Прошу прощения, доктор Монделло, что снова забегаю вперед, я этого вовсе не хотел. От меня вы вряд ли получите все детали, которые хотите получить, потому что я их попросту не знаю.

– Объясните понятнее, будьте любезны.

– Конечно. Я хорошо знаю Гайю и во время ужина понял, что ее что-то мучает, что-то с ней не так. И тут она созналась, что любит какого-то парня, кажется, из спортзала... Впрочем, она не уточняла. Я уже говорил, что когда-то мы полностью доверяли друг другу, но подумал тогда, что сейчас она уже не может мне так доверять, оттого что я дружен с ее мужем. Если вы не обнаружили никаких следов измен в ее телефоне, значит, она тщательно следила за тем, чтобы вовремя удалять все сообщения от любовника. Мне показалось, что связь эта очень сильная, глубинная, и она решила от нее не отказываться.

Похоже, Нардо ничего не знал о пропавшем телефоне, потому что эти сведения не просочились в прессу. Кроме того, Сабина вдруг почувствовала, что эти известия ее порадовали. И дело было не в том, что супруги слишком увлекались сексом. Известно, что зачастую такое поведение говорит о стремлении компенсировать острую нехватку чего-то другого. Судя по рассказам Нардо, все кусочки пазла встали на

свои места, и для Сабины это имело единственно важное последствие: возможность немедленно прекратить расследование и больше не иметь никакого дела с начальником, этим говнюком Роберто Плачидо.

Она по-прежнему держалась с достоинством:

– Вам известно, собиралась ли она все рассказать мужу?

– Напрямую она об этом не говорила, но если хотите знать мое мнение, то думаю, что собиралась. Могу сказать точно, что неизбежный отпуск с мужем в Хорватии Гайя воспринимала как кошмар. Печально, что все то же самое она с огромным энтузиазмом говорила мне несколькими часами раньше.

– Что вы имеете в виду?

– Мне не хочется делать никаких выводов, ведь это ваше ремесло – делать выводы?

– Хорошо, но, скажем так... не для протокола... вы действительно думаете, что Гайя могла, вернувшись домой, что-то сказать мужу? Прямо накануне отпуска? Что-то такое, из-за чего весь мир рухнул на беднягу Карло?

– Не будем заносить это в протокол, ладно?

– Ладно, и будьте спокойны: это не будет иметь никакого значения.

– Я считаю это вполне возможным, более того, я почти уверен, что так оно и было. И то, что я не настоял и не предотвратил беду, до сих пор мучает меня с того самого дня, когда я прочел в газетах о том, что произошло.

Остальную часть протокола Сабина заполнила быстро, профессионально и продуктивно, занеся все необходимые детали и задав неизбежный вопрос, где был Баджо в момент совершения преступления. Он ответил, что навещал «очень близкую подругу», которая обитает в Чивитавеккья, и в любой момент может предоставить ее данные для проверки. При этом, если такая необходимость возникнет, он просил обращаться с ней очень тактично, поскольку она замужем. Сабина его успокоила, вспомнив, что и табуляграммы, и телепасс Нардо эту информацию подтверждали.

Джимонди, который больше не прислал ни одного сообщения, явился лично в кабинет к начальнице, притащив за собой шлейф табачного дыма. Беседа уже подходила к концу. После положенных представлений они вместе прочли, распечатали и подписали протокол. К огромному облегчению всех присутствующих, адвокатесса больше ни разу не раскрыла рта и сердечно пожала руку комиссару Монделло, опередив своего доверителя.

Нардо Баджо выходил из кабинета последним. У самого порога он обернулся и подмигнул Сабине, но без лукавства, а, наоборот, дружески и солидарно. Она еще находилась во власти вихря противоречивых эмоций, которые этот человек постарался направить в нужную сторону, а потому едва улыбнулась ему.

А он шепнул:

– У тебя необыкновенное имя, Сабина. До скорой встре-

чи!

Сабина ничего не ответила, но странно: такой фамиллярный выпад ее не задел. А последовавшее за ним обещание она расценила как добрую весть.

5

Когда Сабина и Кармен переодевались после работы, снимая с себя форму, они вполне могли сойти за двух сестер. Почти ровесницы, невысокие и черноволосые, с короткими стрижками и с такими фигурами, что, когда они входили в кафе или в бар, вся мужская часть посетителей сразу умолкала. В тот вечер они заставили замолчать клиентов весьма необычного бара-бистро на улице Кастеллини в Париоли, неподалеку от комендатуры карабинеров, где служила Кармен. Капитан медицинской службы, она была родом из Апулии и на службу в Риме поступила недавно. Сабина и Кармен познакомились прошлой зимой на рождественском поздравлении префекта и сразу подружились. Теперь они часто выбирались куда-нибудь вместе, много болтали, смеялись и поверяли друг другу свои тайны.

В ожидании сэндвичей, которые они заказали, Кармен рассказывала подруге о том, как идет сближение с таинственным коллегой по службе, у которого была семья и дети, что, конечно, затрудняло их отношения. Сабина была уверена, что на самом деле «коллега» была женщина, но понимала колебания девушки: той не очень хотелось открывать ничем не прикрытую правду. Кармен не спешила: что бы ни случилось, «коллеги» выбрали правильный путь.

Как только принесли заказ, Сабина жадно набросилась на

еду. С того самого утра три дня назад, когда ее жизнь смело бурей, которую Роберто решил швырнуть ей в лицо, она ела очень мало или вовсе ничего. Отчасти из-за вихря рабочих проблем, закружившего ее, отчасти из-за «послевкусия смерти», которое поселилось в ее душе после выходки Роберто. Теперь приближалась ее очередь делиться секретом, и она знала, что от этого ее желудок снова завяжется в узел. Значит, надо принять предупредительные меры.

Кармен потеряла дар речи. Она поставила на стол стакан, положила сэндвич и с ужасом уставилась на Сабину. «Не лучший способ оказания психологической помощи», – промелькнуло у той в голове. Прошли несколько бесконечных секунд; затем Кармен произнесла низким, осипшим голосом:

– Так и написал в сообщении?

– Ну да...

– Нет, прости, конечно, но он что, сдурел? Мог бы сказать и раньше при встрече, ведь знал наверняка... Ну, хотя бы по приезде... Что за хрен моржовый! Сколько осталось до его приезда?

– К сожалению, совсем чуть-чуть. Я не в курсе, но вполне возможно, что он будет в Риме сегодня вечером. Ну, наверное, у него был мотив так поступить, хотя, честно говоря, я не могу его понять. От него я такого не ожидала, ты права. Такие вещи не сообщают в эсэмэсках; это все-таки вопрос уважения, черт возьми!

– А с того дня ты с ним хоть раз еще разговаривала?

– Да, в тот же день, по работе. А потом – всё! Учитывая все, что он устроил мне в ватсапе, я его заблокировала – пока по минимуму. И больше не разблокировала. Он пытался до меня дозвониться раз двадцать, но я пока не отвечаю... О, смотри-ка, он и сейчас звонит. Не будь он моим начальником в расследовании, я бы заблокировала его намертво, клянусь.

– Что там творится в Париоли с расследованием убийства-самоубийства? Ты позволяешь себе не отвечать?

– Да. Я доложила ему о ходе расследования в тот же день по электронной почте, и ему не в чем меня упрекнуть. Сознаюсь, что была вынуждена пойти на жесткие меры в тот день, когда вышли статьи в газетах. Я закрыла дело с окончательным подробным отчетом, где доложила в прокуратуру, что, на мой взгляд, исходя из возникших новых обстоятельств, заинтересованность третьих лиц не обнаружена. Речь действительно идет об убийстве-самоубийстве. Благодарю вас и до свидания, доктор Плачидо.

Кармен задумалась. Чувствовалось, что ей хотелось поддержать подругу в этом поединке.

– Сабина, я могу говорить с тобой откровенно?

– Ну, я ведь тоже с тобой откровенна, девочка. Мне это очень нужно.

– Ты его любишь?

– До безумия.

– И в этом все дело. Однако, прости, ведь ситуация тебе

прекрасно известна. Что для тебя изменится, если его жена ждет второго ребенка? Если вдуматься, почти ничего.

– Я знаю, куда ты клонишь. Но я чувствую себя преданной, Кармен, причем в самом скандальном смысле этого слова. Сын, который у них уже есть, скажем так, не совсем удачный, – его главное оправдание, и он крепко этого оправдания держится и своим долгом не пренебрегает. А теперь все усложнится и станет труднее. Пройдут годы, прежде чем он почувствует, что свободен... Понимаешь?

– Ну, а точнее: что усложняется? Ты хочешь выйти за него замуж, купить миленькую виллу и наполнить сад целой оравой детишек с грязными носами и разбитыми коленками? Ты мечтаешь о таком будущем?

– Ну... в какой-то мере да...

– Ну ты и зануда, Сабина, сознайся.

Та не успела еще опомниться от удара и не скрывала этого, однако, вместо того чтобы обороняться, жестом пригласила собеседницу продолжать. Ей стало любопытно. Кармен не заставила себя долго просить:

– Господи, да не делай ты из себя старуху! Ты красивая, еще молодая, ты делаешь хорошую карьеру, и проблем с деньгами у тебя нет. У тебя в любовниках самый отпадный магистрат из прокуратуры, ты руководишь комиссариатом класса А, практически весь Рим у твоих ног... Не могу представить, чтобы ты по воскресеньям готовила пиццу мужу не первой молодости, который трахает всех баб направо и на-

лево и только и мечтает, чтобы «прикорннуть» рядышком с комиссаршей, что заменит тебя в Париоли. Давай, валяй!

– Однако, ну и картинка! А интересно, какой же ты меня видишь?

– Да такой, как ты есть: стратосферной мандюшкой, у которой больше мозгов, чем у всех, кто ее трахал, вместе взятых. А таких, надо заметить, было немало.

– Эй, подруга, если будешь продолжать в том же духе, сегодня плачу я, так и знай.

– Я говорю все это вовсе не для того, чтобы подбодрить тебя, красавица. Я действительно так думаю. Теперь у тебя два выхода: либо месяцами сидеть дома и бичевать себя, изредка вылезая на улицу, либо наплевать на все, по всем статьям сожрать живьем красавчика Роберто, как только вернется, а потом доконать его, наставив ему рога с любимым, кто хоть чуть тебя вдохновит. И при этом как ни в чем не бывало продолжать развлекаться с ним или в его машине, или в кабинете. Я тебе почти завидую...

Сабина улыбнулась такому неожиданному порыву подруги, и обе на какое-то время занялись едой. Еще несколько минут назад они о таком даже не подумали бы. Линия поведения, которую предложила Кармен, на бумаге была не так уж и плоха, но Сабина хорошо знала, что следовать ей будет нелегко. Еще несколько минут они болтали и дурачились, потом Кармен вернулась к разговору:

– Можно, я еще кое-что прибавлю?

– Прибавляй, что хочешь, ты свой ужин уже заработала...

– Знаешь, глядя на тебя, я бы не сказала, что ты приняла этот удар и смирилась. Значит, я права и какая-то надежда все-таки осталась...

– Ха, да я довольна! Все дело в том, что в расследовании появились совершенно неожиданные подвижки, и мне, по счастью, все это время было о ком думать.

– Какие подвижки?.. Ах да, я сегодня читала в газете, что провели повторный осмотр места преступления. Это правда?

– Ага. Журналисты подняли шум, и мобильная бригада дала задний ход и вернулась, на этот раз со всеми атрибутами и аппаратурой. Это пока в прессу не просочилось, но гильзу нашли в садике в земле. Почти наверняка она прилипла к сапогу одного из санитаров, а потом отвалилась, когда он уходил. Дело закрыто, ваша честь.

– А вы что же, об этом не подумали, не посмотрели везде?

– Глянули в общих чертах, я тоже взглянула... Мы сосредоточились на доме, и потом, хочу тебе напомнить: поначалу все сводилось к убийству-самоубийству.

– Понятно. У тебя по этому поводу могут быть неприятности? Пресса докопается?

– Не думаю, что возникнут серьезные неприятности. Конечно, я вляпалась, но в нашей профессии это бывает. Сейчас важно все исправить, и дело с концом. Теперь передача данных происходит централизованно, и это известие обна-

родуют позже, в нужный момент. Но настоящая новость совсем в другом...

Кармен, уловив нотку лукавства в этой фразе, улыбнулась:

– Давай, выкладывай!

– Тебе не приходило в голову, *что именно* не попало в зону прослушки, а главное – *кто* в нее не попал?

– Судя по тому, как ты это сказала, этим вопросом мы займемся позже. Хотя я и врач, но прежде всего я мент, не забывай об этом, – а потому прошу тебя не опускать ни одной смачной подробности.

– Сядь поудобнее.

* * *

Сабина вернулась домой очень поздно, довольная хорошо проведенным вечером и отчасти воодушевленная теплым и по-студенчески дружеским отношением коллеги. Она никогда не занимала служебной жилплощади, которую предоставляла администрация, а предпочитала поселиться в съемной двушке недалеко от комиссариата. Ежемесячная плата не особенно тяготила ее бюджет, а когда вся семья состоит из тебя да кота, такие траты – вообще ничто в сравнении с величайшим благом собственного жилья.

Она открыла дверь – и в лицо ей ударил тяжелый запах. Все вокруг было заляпано кровью и чем-то желтоватым. Сабина в смятении прошла по кровавому следу по коридору до

самой гостиной. Затаив дыхание, не обнаружив ничего подозрительного, заглянула за диван и увидела другие следы, более красные, которые привели ее к мраморному островку в углу кухни, который служил еще и столом. Она подошла, пошатываясь, и увидела его: Фабер, ее кот, неподвижно распростерся на полу в какой-то вонючей разноцветной жиже. Он уже окоченел, в его широко раскрытых глазах застыли ужас и боль. Сабина на своем веку перевидала множество трупов, но не смогла сдержаться и закричала во всю силу легких. Ее семья уменьшилась.

* * *

Через три дня старшего инспектора Сабину Монделло рано утром вызвал к себе комиссар полиции. Бледную и исхудавшую, ее весьма холодно встретили служащие офиса и попросили подождать в приемной. Пока она рассеянно разглядывала экран мобильного, чтобы скоротать время, вошел доктор Мильорини, командир мобильной бригады. Он поздоровался с ней и скрылся за дверью кабинета доктора Франджипане. Еще минут через десять дверь отворилась, из нее высунулся Мильорини и как-то уж очень театрально пригласил ее войти.

Сабина сдержанно поздоровалась с комиссаром полиции и уселась напротив. А тот, властный и уверенный в себе, начал с вопроса, который она и ожидала услышать:

– Прежде всего, как вы себя чувствуете, доктор Монделло?

– Бывало и лучше, но бывало и хуже. Прошу вас, если можно, разрешить мне надеть темные очки. Свет режет мне глаза.

– О, нет проблем. Я знаю, что вы нездоровы, и поэтому благодарю, что согласились прийти. Я высоко это ценю.

– Это мой долг, доктор.

– Я перейду сразу к делу. Сообразуясь с нашим человеческим ресурсом, я временно снимаю вас с руководства комиссариатом Париоли. Как только вы поправитесь, мы посоветуемся с центральными офисами, а пока я думаю перевести вас в паспортный отдел, сюда, к нам в квестуру, где ваш опыт принесет всем нам больше пользы, особенно в такой момент... Ну, вы сами понимаете, иммигранты...

Сабина не пошевелилась. Собеседники не поняли, чего от нее можно ожидать в следующий момент. Прошло несколько секунд, и Мильборини обеспокоенно спросил:

– Сабина, всё в порядке?

Она тихонько рассмеялась, выходя из оцепенения, в котором укрывалась, как в убежище.

– Нет, доктор, не в порядке. Совсем.

– Ну, зачем ты так? Ведь это ненадолго. Вот увидишь, все образуется...

– Зачем надеяться на разрешение проблемы, когда можно ее просто избежать?

Тут с серьезным видом вмешался комиссар полиции:

– Доктор Монделло, неужели вы не понимаете, что мы вам помогаем?

– Но каким образом, простите за нескромность? Разрушая мою карьеру?

– Совсем наоборот, поддерживая вас. Сейчас вы возбуждены, но со временем сами всё поймете, когда поправитесь. Вы должны нам доверять.

– Вы вольны делать со мной, что хотите, – такова ролевая игра, в которую я вписалась и условия которой приняла, поступая в полицию. Но если вы взываете к моему доверию, то, при всем моем уважении к вам, вы должны его заслужить. Следовательно, должны озвучить истинный мотив. Я хочу его услышать, а не гадать неделями под косыми взглядами тех, кто злословит за моей спиной, пока я ставлю печати в паспорта.

Мильборини вздохнул, а комиссар великодушно принял удар на себя:

– Что именно вы хотите от меня услышать, доктор Монделло?

– Правду. Или какое-нибудь указание, которое поможет мне ее понять. Мы ведь люди взрослые, профессионалы с задубевшими сердцами. И забудьте, что я женщина, если, конечно, хотите чего-то от меня добиться.

Оба чиновника переглянулись, явно собираясь вилить и выкручиваться. Она не сдавалась:

– А указание, случайно, пришло не из прокуратуры?

По их реакции Сабина сразу поняла, что попала в точку: оба пришли в замешательство. Комиссар полиции снова взял все на себя. Видимо, за годы пребывания на высоком посту он к этому привык.

– Доктор Монделло, я сейчас все объясню, чтобы в дальнейшем между нами не возникло недопонимания...

– Благодарю вас.

– Указание действительно пришло от главного прокурора. Но там нет ни слова ни о какой «болтовне» в ваш адрес. Кстати, если хотите знать, такая «болтовня» приходила и сюда, к нам на стол. Поверьте, я научился не обращать внимания на сплетни. И именно таково мое свойство – одна из причин, почему это кресло, которое нелегко мне досталось, все еще хранит тепло моей задницы. Я понятно объясняю?

– Великолепно, как всегда. Из чего я делаю вывод, что проблему можно назвать чисто профессиональной.

– Совершенно верно. Позвольте мне быть искренним. Ни главному прокурору, ни мне не понравилось, как вы расследовали дело супругов Брульи. Если хотите, я могу сказать вам почему – ведь у таких профессионалов, как мы, не может быть секретов друг от друга. Я натолкнулся на это в первые же секунды, оценив ситуацию; однако, если для вас это проблемы не составляет, то я могу и не продолжать.

– Для меня это действительно не составляет никакой проблемы, и я прошу вас продолжать, доктор.

– Расследование с самого начала проведено очень поверхностно, и вина, несомненно, отчасти ложится на того, с кем вы сейчас разговариваете, и на того, кто нас слушает.

Командир мобильной бригады нехотя кивнул. А комиссар полиции снова заговорил:

– В какой момент расследования, доктор Монделло, вас проинформировали об идее нового мотива?

– В момент обнаружения гильзы, доктор. Запись об этом по всем правилам появилась в журнале на следующий день и была сделана явно не моей рукой.

– Я вам верю. Однако прежде чем продолжить, давайте попросим доктора Мильорини ввести нас обоих в курс расследования, чтобы внести ясность, посмотрев на дело с противоположной стороны. Прошу вас, доктор.

Мильорини быстро и точно рассказал обо всем, что обнаружили за то время, пока не были известны результаты обоих вскрытий. Во время осмотра места преступления в квартире не нашлось пригодных для анализа отпечатков пальцев, кроме отпечатков покойных супругов. Были еще частичные и смазанные, не пригодные для того, чтобы сличить их с базой данных.

Тут командир мобильной бригады вынул из кожаной сумки телефон, лежавший в конверте, и дал всем прослушать несколько голосовых сообщений, которыми Карло общался с отцом. Они были зарегистрированы в день трагедии. Парень говорил чуть визгливым, довольно вульгарным го-

лосом, с ярко выраженными чертами диалекта. Похоже, он был спокоен, даже расслаблен. После нескольких чисто технических разговоров о том, как разместить в «доме на колесах» газовый баллон, он спросил отца, не брал ли тот случайно его ключи от дома, и получил ответ «нет». Потом заинтересовался, как лучше проехать по городу, чтобы не пересекать автострады, потом они немного поговорили о семейных делах, но это уже неинтересно. Наконец Карло объявил, что пойдет спать, потому что завтра ему почти весь день сидеть за рулем и что он собирается «по совету врача» выпить снотворное. Домашний врач обоим супругам, которому сразу позвонили, подтвердил, что действительно когда-то выписывал снотворное мужчине, страдавшему бессонницей, но заявил, что в тот день никакого лекарства ему не советовал. Другое голосовое сообщение от жены, отправленное за тем, на которое Карло не ответил, уведомляло его, что после спортзала ужинать она будет не дома, и завершалось фразой «Жду не дождусь, чтобы уехать с тобой, я так тебя люблю». Голос Гайи звучал тихо и не очень убедительно, но притворным не казался, разве что совсем чуть-чуть. Карло ответил ей в ватсапе: «Прости, любимая, я в душе. Я уже поужинал, увидимся позже. Я тоже тебя люблю».

По этому поводу все родственники и друзья, опрошенные по горячим следам, в один голос заявляли: взаимоотношения супругов Брульи перед трагедией были безмятежными, как никогда. При этом Мильборини подчеркнул, что только

одна из кузин супруги, ее ровесница и наперсница, не под протокол заявила, что несколько месяцев назад у Гайи, похоже, были отношения с кем-то другим. На то же самое намекала и одна из ее сотрудниц. И обе замечали, что после недавних скандалов с мужем Гайя стала очень осмотрительна и старалась, чтобы ни намек на эти отношения не попало ни в телефон, ни куда-нибудь еще.

Сабина снова почувствовала себя детективом, а потому, как губка, впитала в себя все эти сведения и быстро их обработала, позабыв о недавних унижениях.

Когда же Мильборини закончил обзор, сделав его, кстати, очень профессионально, она пробормотала:

– Стало быть, многоуважаемые коллеги, вы хотите сказать, что мы снова ищем убийцу?

В ответ оба высоких должностных лица промолчали, давая ей понять, что с этого момента она не будет больше получать никакой информации о расследовании. Задетая за живое, но не сломленная, Сабина ринулась в атаку:

– Синьоры, а вы читали протокол с информацией о некоем Бернардо Баджо, который составили мы с Джимонди? Баджо был последним, кто общался с супругами Брульи, и по результатам технического анализа в момент преступления находился в ста километрах от Париоли.

Ей ответил Мильборини:

– Конечно, Сабина. Кстати, протокол просто великолепен.

– Благодарю. Вы позвонили той женщине, к которой он

тогда ездил?

– Нет, ведь она могла сразу же предупредить подозреваемого. Пока что мы полагаемся на информацию технических средств.

По этому ответу Сабина поняла, что Нардо все еще под подозрением, и продолжила:

– Тогда о чем мы говорим? Гайя врала и мужу, и всем вокруг, потому что хотела казаться добропорядочной женой, которой вовсе не была раньше и вовсе не стала, мир праху ее. На самом деле после суши она отправилась развлекаться с человеком, о существовании которого догадывались ее подруги. Этот некто оставил у нее на теле кучу засосов. А муж обнаружил синяки, когда они в последний раз занимались любовью, и усыпил ее снотворным, чтобы беспрепятственно проверить ее телефон. Мы прекрасно знаем, что в любом телефоне всегда что-нибудь найдется. Потом он стер весь компромат, чтобы скрыть причину, по которой обзавелся рогами, и положил конец всему этому фарсу. Просто и прямолинейно.

Мильорини возразил слегка осипшим голосом:

– Молодчина. А как насчет презерватива?

– Вы *меня* об этом спрашиваете? Насколько я понимаю, теперь это забота мобильной бригады... И будь начеку, Марко, потому что на этом месте прокуратура тебя и сместит, если немедленно не найдется виновный.

Тут решительно вмешался комиссар полиции:

– Доктор Монделло, прошу вас, давайте не будем впадать в излишества. Ваши недочеты лежат в другой плоскости, и думаю, что вы признаете их без проблем, как положено, то есть интеллигентно.

– Ну да, еще бы! К примеру, корм, который я обычно даю своему коту и который вдруг почему-то выжег его изнутри и заставил выbleвать все кишки.

Если доходило до петли, Сабина могла стоять твердо, и оба ее коллеги это прекрасно знали. Они опять быстро переглянулись, видимо, договариваясь не опускать нож гильотины. Комиссар полиции снова заговорил:

– Это прискорбное событие, доктор Монделло, и, уверяю вас, мы сделаем все возможное, чтобы выяснить, как это произошло. Однако не забывайте, что мы – полицейские, мы – следователи; мы должны всегда иметь ясную голову и никогда этой ясности не терять. Ваш комиссариат блестяще вел дела в недавнем прошлом, и наши враги, а первым делом представители власть имущих, умеют мстить исподтишка. Нам не следует обязательно связывать этот факт со следствием по делу супругов Брульи или с проблемами личного характера, так сказать, «частными». Вы это тоже хорошо понимаете...

– Я все понимаю. Только вот до сих пор не поняла, что так не понравилось прокуратуре в моей работе.

– Расследование велось в спешке, и, учтите, я думаю точно так же. И доктор Мильорини тоже получил свою долю

упреков, потому что первичный осмотр места преступления делала его бригада. И гильза никак не могла отыскаться через две недели, это дискредитирует всю организацию.

Мильборини кивнул и, выждав момент, когда комиссар полиции на него не смотрел, подмигнул Сабине. Она слабо улыбнулась, сочтя это искренним сочувствием. А их начальник продолжал:

– Однако, доктор Монделло, не забывайте о том, что заключительный отчет с решением о закрытии дела вы написали задолго до того, как была найдена гильза. Я его читал, это заключение профессиональное и прекрасно изложенное, но, несомненно, преждевременное и слишком поспешное. Куда вы так торопились? Если не хотели продлить прослушку, вам было достаточно ее не запрашивать и спокойно ждать развития событий.

– Я сочла достаточными данные, собранные техническими службами. Последующие сопоставления подтверждают мою правоту.

– Я с этим не согласен, доктор, и мне очень не нравится, что вы так упрямо настаиваете на своем. И потом, если единственный подследственный вдруг сам является в комиссариат, чтобы дать показания, это отнюдь не говорит о дальновидном руководстве следствием. Я надеюсь, хоть с этим вы согласны?

Сабина ничего не ответила. Не было смысла убеждать начальника, что этот загадочный Нардо был достаточно ловок,

чтобы преподать им всем уроки уголовного расследования. Но она все еще была в игре, а когда падаешь в пропасть, нет смысла переживать о плохо выглаженном костюме. Она догадывалась, что будет наказана за то, что собиралась сказать, – и все-таки не удержалась:

– А каким образом, доктор, мои взаимоотношения с доктором Плачидо повлияли на ход дела? Да, конечно, может быть, я и поспешила с выводами, но я могу назвать многих следователей, допускавших пробелы и даже целые провалы в расследовании, гораздо серьезнее недочетов в деле супругов Брульи и также под вашим блестящим руководством. Но они спокойно руководят своими отделами без всяких проблем и затруднений...

В этот момент засветился экран ее телефона: это был входящий вызов. Сабина вздохнула и подняла телефон так, чтобы ее собеседникам было видно имя звонящего: Роберто Плачидо.

В наступившей тишине она вдруг поняла, что сейчас очень поспособствовала крушению собственной карьеры в полиции. Лицо командира мобильной бригады обрело оттенок лежалога трупа; казалось, он вообще лишился дыхания. А комиссар полиции, наоборот, вдруг развалился в «кожаном кресле курсанта», как он сам иногда в шутку называл свое седалище, и улыбнулся.

Через несколько секунд он попросил Мильорини выйти. Подождав, когда дверь за ним закроется, заговорил очень

высокомерно, словно преподавая урок выдержанности и превосходства, который Сабина никогда не забудет. И то, что он стоит во главе полиции столицы, да и всей Италии тоже, безусловно, в его глазах оправдывало такой тон.

– Сабина, я позволю себе обратиться к тебе на «ты». Я сейчас скажу тебе одну вещь, но учти, что тебе не будет позволено дать никакого другого ответа, кроме как «спасибо, доктор».

Ты очень много сил отдала полиции, это всем нам ясно. И результат достаточно скоро не заставит себя ждать. Поверь мне, нынче я не могу исключить, что однажды ты займешь мое место, если снова поднимешь голову и будешь так же, как и раньше, отдавать годы этой проклятой профессии, которую мы все, как ни странно, так любим. Ты молода, предприимчива, ты многому научилась и добилась блестящих результатов на всех фронтах. И пусть не говорят, что из-за нашей чертовой профессии ты должна себя в чем-то ограничивать или идти только приятными дорогами. А чем ты занимаешься в свободное время и с кем его проводишь – это не мое дело. И не должно становиться моим делом, потому что я об этом вообще не желаю знать. Вплоть до последних дней ты вела себя очень умно, хотя и возбуждала зависть – чувство, которое всегда сопровождает людей неординарных.

Сабина кивнула и мысленно продолжила: «А потом по собственной наивности понаделала ошибок. Не знаю, почему ты их понаделала, и знать не хочу, но если ты на службе,

то, что бы ни случилось в твоей личной жизни, ты не имеешь права делать поспешные выводы, а прежде всего – не отвечать на звонки заместителя прокурора, который звонит по делу, порученному тебе. Тем самым ты делаешь шаг от простой ошибки к отстранению».

– На твое счастье, в предназначенном тебе кресле сидит старый мент, у которого две дочери-подростка. Старый мент знает, как устроен этот мир, и никогда ни во что не вмешивается без видимых причин. Я отстраняю тебя, Сабина, от руководства комиссариатом, чтобы дать тебе право не отвечать вот на такие звонки и не встречаться с тем, с кем встречаться не хочешь. А если телефон продолжит названивать и если в твоей жизни случится еще что-нибудь ужасное, приходи к старому менту. Уверяю тебя, что виновный, кто бы он ни был, за это заплатит.

Сабина почувствовала, что сейчас расплачется. Но не расплакалась, а тихо прошептала:

– Спасибо, доктор...

6

Доехав до улицы Винья Мурата, Сабина не обнаружила парковки перед входом, который искала. Тогда она доехала до ближнего супермаркета и со вздохом оставила машину там. Придется пройти пешком, а в ее состоянии, особенно в смысле психики, это чрезмерная нагрузка. Она без труда узнала апартаменты, описанные в рапорте Джимонди: беспорядочные и очень необычные постройки в стиле ретро. Да, жить здесь было бы здорово, тем более что ей очень не хватало любимой Мантуи, и она бы душу отдала, чтобы работать и жить в таком вот благородном месте, особенно в тяжелый жизненный период, который у нее настал.

Ворота были открыты. Сабина вошла, и дальше ее повел запах, исходивший из двери на первом этаже: свежий и приятный аромат настоянных на лаванде духов. Она не была до конца уверена, что нашла нужную квартиру, потому что никаких табличек на дверях не было, но решила рискнуть и позвонила в колокольчик.

Дверь открыл Нардо в зеленой врачебной робе. Физиономия у него была мрачная. Он несколько секунд внимательно в нее вглядывался, потом узнал, но, как ни странно, угрюмое выражение не сошло с его лица.

– Привет, Сабина. Милости просим.

– Здравствуйте, синьор Баджо. Прошу прощения, что не

предупредила.

– Я тебя прощу только в том случае, если будешь говорить мне «ты». Пожалуйста, входи.

Он провел ее в большую прихожую, видимо, служившую залом ожидания. Там группами стояли штук десять кресел белой кожи с откидными сиденьями, и при каждой группе свой столик. Два кресла были заняты ожидающими. В углу располагалась «зона комфорта», как в салонах красоты, с разными напитками, травяными отварами, закусками и большими керамическими чашками. С другой стороны комнаты винтовая лестница вела на верхний этаж. Все выглядело чисто, профессионально и очень уютно. Сабина сразу почувствовала себя как дома.

Нардо закрыл дверь и остановился перед ней, вблизи оказавшись лишь чуть-чуть выше ее ростом. Каждой клеточкой он излучал энергию, как и в первую их встречу. Губы еле заметно улыбались, а глаза так сияли, что могли бы, наверное, пробить своим светом облака.

– Мне готовиться к наручникам, или ты пришла с визитом вежливости?

Сабина спокойно улыбнулась, чего с ней не бывало уже много дней.

– Пока что никаких наручников. Но если у тебя найдется для меня минут пять, я бы воспользовалась твоими услугами.

– Ну ладно, осмелюсь предположить, что тебе и вправду

нужно лечение.

– Знаю.

– Прекрасно, Сабина. Ты, наверное, догадываешься, что у меня обычно назначено много встреч. Но по утрам бывает гораздо спокойнее. Возвращайся часа через два, или, если хочешь, подожди здесь.

– Если не возражаешь, я подожду.

– Наоборот, я очень рад. Все, что ты видишь, в твоём распорядке. Отдохни, расслабься, а потом я тобой займусь.

Он подарил ей одну из своих ослепительных улыбок и исчез в смежной комнате, где его ожидала какая-то девушка, лежа на коврикe, напоминавшем татами.

Сабина глубоко вздохнула и огляделась. Обе женщины, ожидавшие своей очереди, подняли глаза и кивнули в знак приветствия. Одной, с перевязанным ухом, было лет тридцать; все её тело покрывала разноцветная татуировка, глаза смотрели печально. Вторая, лет шестидесяти, изысканно улыбнулась. Обе сразу же снова уткнулись в свои журналы и больше не обращали на неё внимания.

Присутствие Нардо обострило все её чувства, и потому она только сейчас различила звучащую откуда-то ненавязчивую музыку, а точнее – божественный голос Стинга. Слева возвышался до самого потолка книжный стеллаж, где было все, что душе угодно, на любой вкус. На Сабину книги действовали, как мед на медведя. Она подошла к стеллажу и увидела с почтением вставленные в фоторамку напечатан-

ные шелкотрафаретной печатью слова Франческо Петрарки:
*«Поскольку ты не считаешь меня свободным от всех люд-
ских ошибок, то знай, что мною снова овладела ненасытная
жажда, которую до сего дня я не могу, да и не хочу обуз-
дать. Ты, верно, ждешь, что я скажу тебе, что это за бо-
лезнь? Так вот: я не могу насытиться книгами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.